

Юлия Тупикина, +7 909 6 777 974, iosono@yandex.ru

Ба

(редакция 2018г)

Примечания: бабушка – сибирячка, крестьянка, у неё особое произношение и манера говорить. Иногда она проглатывает гласные в глаголах, например: «сыграшь» вместо «сыграешь». Вместо «штиблеты» она говорит «щиблеты». Вместо «батюшки святы» она говорит «батюшки свет». «Тубаретка» вместо «табуретка». В слове «алкоголь» она ставит ударение на первую «а». В слове «инструменты» на «у». Часто сокращает прилагательные: вместо «молоденькая» говорит «молоденька».

БА – 85 лет

ОЛЯ – 30 лет

ЛЁША – 35 лет

МАША – 30 лет

ЖЕНЯ – 30 лет

СТЕПАН – 40 лет

ТИХОН – 35 лет

АДЕЛАИДА – 60 лет

ДАНИИЛ – 25 лет

1.

Однокомнатная квартира Оли, Оля лежит на двуспальной кровати с айпадом, Лёша сидит с ноутбуком на диванчике.

ОЛЯ. Лёх, а принеси чайку, плиз.

Лёша встает и приносит с кухни чай, подает Оле, она молча берёт.

ОЛЯ. Сыткина со своим разошлась.

ЛЕША. М-м-м?

ОЛЯ. Да идиотка инфантильная. Постит теперь свои фотки с парнями какими-то. Такой хороший у неё Боря был.

ЛЕША. М-м-м.

ОЛЯ. Ты напиши ему, что ли. У тебя же он есть в друзьях?

ЛЕША. М-м-м.

ОЛЯ. Спроси, как он, что чувствует. Мож, грустно ему. Напиши, прям сейчас напиши. Ну напиши, Лёх, он в сети.

Лёша что-то печатает на клавиатуре своего ноутбука.

ОЛЯ. Ну что?

ЛЕША. Он пишет, что окей. Говорит, каунтер страйк пятый уровень прошел.

ОЛЯ. А про Светку что пишет?

ЛЕША. Пишет про какую-то Катю.

ОЛЯ. Да ну тебя.

ЛЕША. На велах зовет кататься.

ОЛЯ. Так едь. (*звонит Олин мобильный, она отвечает на звонок*). Алё... Алё! Вас не слышно! Перезвоните. (*Лёше*) Номер какой-то левый. Может, курьер? Ты доставку не заказывал?

ЛЕША. Неа.

ОЛЯ. Лёх, а принеси печенек.

Лёша молча приносит с кухни печенье.

ОЛЯ. Какое-то жёсткое.

ЛЕША. Из протеина. Зачем нам быстрые углеводы?

ОЛЯ. Ну в принципе, да. (*снова звонит телефон*) Алё! Алё! Да, слышу, говорите. Говорите, говорю! ... Да, это я... Какая бабушка? Нет, нет, вы ошиблись, нету, это другая Оля, нет, не у меня. (*Лёше*) Маразм какой-то. Какая-то бабушка ждет какую-то Олю, а мне звонят. Какая бабушка?

ЛЕША. Гарик зовет на борде покататься.

ОЛЯ. Я в субботу работаю. Не, ну какая бабушка?

ЛЕША. Ты отдыхать когда-нибудь будешь? На зал забила.

ОЛЯ. Ну надо же ипотеку закрыть. (*снова звонит телефон*) Теперь другой номер. Чё за? Алё! Да, говорите... Какая бабушка? Ну хорошо... Алё... Ба?... Это ты? Ты где? Как в Москве? На Ярославском вокзале? Ты с ума сошла? Как приехала? Ты с ума сошла? Господи! Сиди там, я еду! Сиди внутри там где-нибудь на видном месте! Через час буду! (*Оля начинает быстро одеваться*). Бабушка приехала! Она с ума сошла! Моя бабуля из Сибири приехала! Обалдеть! Сумасшедшая! Блин, и не сказала ничего, явилась, здрасти.

ЛЕША. Я пока штрудель сделаю. Низкокалорийный.

ОЛЯ. Ага. Как там пробки, глянь? Нет, ну она нормальная?

ЛЕША. Едет, умеренные. Да нормально доедешь, рассосались уже.

Оля убегает из квартиры.

2.

Квартира Оли. Лёша лежит на диване с ноутбуком. Входят Оля и Ба.

ОЛЯ. А вот и мы.

ЛЕША. Добрый вечер, добрый вечер.

БА. Ох, устала. Привет, от старых щиблет. (*бабушка должна была сказать «штиблет», но она женщина деревенская, говорит неправильно*).

ОЛЯ. Вот, Ба, это Леша. Леша, это моя бабушка Мария Васильевна, познакомьтесь.

Оля уходит переодеваться.

ЛЕША. Очень приятно! Проходите, Мария Васильевна, садитесь вот на диванчик.

БА. Что-то гардины у вас мрачные какие, батюшки свет, будто грязные.

ЛЕША. Шторы? Это такой модный цвет мокрого асфальта.

БА. Я и говорю – грязь. Он поролоновый?

ЛЕША. Кто?

БА. Диван поролоновый? А то мне только на жёстком можно.

ЛЕША. Не знаю. Ну да, наверное, какой же еще, волосами теперь не набивают.

ОЛЯ (*из кухни*). Ба, располагайся, спать будешь на диване.

БА (*Леше*). Больно мягко. Я на кровати буду спать. А ты на диване. Но тоже смотри, спину испортишь. Надо доску подложить. Или дверцу от шифоньера. На помойку сходи – мож, кто выбросил. Глянь, чтобы из дерева, ДВП вредно.

ЛЕША. Даже не знаю. Из дерева?

БА. А тебе сколько годков, Алексей?

ЛЕША. Тридцать пять.

БА. Вдовец?

ЛЕША. Что?

БА. Вдовец или разведенный?

ЛЕША. Холостой.

БА. Бобыль что ли? Болеешь?

ЛЕША. Нет, почему? Ну, вернее, конечно, гастрит, в детстве была дискинезия желчевыводящих путей...

Входит Оля.

ОЛЯ. Ну, познакомились? О чём это вы?

БА. Да об чём, о болячках, об чём еще нам, пожилым, разговаривать. У Алексея тоже волос седой. Годы-то идут.

ОЛЯ. Ба, ну ты не преувеличивай. Ему тридцать пять, он на спорте, посмотри, какой красавчик.

БА. У мужиков, прости господи, у всех с годами простатит.

ОЛЯ. Ба! Лёх, у меня бабушка юмористка.

ЛЕША. А давайте штрудель есть.

ОЛЯ. Отлично! Давайте!

БА. Мне острое нельзя.

ОЛЯ. Ба, это яблочный пирог, тебе можно.

БА (*Леше*). А ты кем работаешь, Алексей?

ЛЕША. Бухгалтер я, а что?

Лёша уходит на кухню.

ОЛЯ. Ба, ты аккуратнее с Лёхой, он у меня обидчивый. Еще к маме слиняет.

БА. Ты ж говоришь, вы сожительствоете?

ОЛЯ. Ба, ну что за слова! Мы живем вместе, да, но пару дней в неделю он живет у мамы с папой, что такого? Сейчас, знаешь, не каменный век.

БА. Ну ничего, главное, чтоб свидетели были.

ОЛЯ. Какие свидетели, ты о чём, Ба?

БА. Свидетели. Вон у тётки Тюни дочка Алка, помнишь?

ОЛЯ. Какая тётка Тюня? Не помню, Ба. Которая из Сагайска?

БА. Тёфу ты, я ей про стриженного – она мне про бритого. Тётка Тюня из Абакана!

ОЛЯ. Ну, допустим. И что тётка Тюня из Абакана?

БА. Ой, запутала меня. Алка сожительствовала с шофером!

ОЛЯ. С шофёром, Ба.

БА. Алка сожительствовала с шофером, не расписаны были. А потом забеременела, а он ушёл. Потаскун. Но были свидетели, соседи. Всё - хозяйство

совместное вели, значит - всё. Судья спросила – свидетели пришли – соседи, муж и жена, как их? Дай бог памяти...

ОЛЯ. Да не важно.

БА. И присудили ему алименты.

ОЛЯ. О чём ты, не понимаю. Лучше скажи: чего приехала-то?

Входит Лёша с сервированным для чаепития столиком на колесах.

БА. Сколько лет мы не виделись, Олюшка?

ОЛЯ. Наверное, лет пять, не помню. Тебе чай наливать, Ба?

БА. У меня отрыжка от чая. Есть у вас компот?

ЛЕША. Могу сделать морс.

БА. Там кислота? А то меня изжога замучила.

ОЛЯ. Налей ей просто воды, Лёх.

Лёша уходит.

БА. Так мы не виделись девять лет, Олюшка. Ты же как уехала в Москву, так и носа не показывала к нам.

ОЛЯ. А что я там не видела у вас? Вся родня – алкаши да неудачники.

Входит Лёша со стаканом воды.

БА. А мы тут с Оленькой вспоминаем. Соскучилась она по родине.

ЛЕША. У вас там красивые места такие. Я видел по Нэшнл джеографик, показывали передачу. Тайга! Медведи! Суровая красота!

БА. А воздух какой! Чем вы тут в Москве дышите? У меня аж в грудине защемило. Нитроглицерин сосала на вокзале.

ОЛЯ. Ба, это где там чистый воздух? На Берёзовку твою как раз с алюминиевого завода дует. Дети вон с перепонками между пальцев рождаются, как лягушки. Режим чёрного неба полгода.

ЛЕША. Так там у вас еще есть промышленность? С ума сойти, еще что-то работает. Оль, а поехали к тебе на родину в отпуск? Посмотрим Россию.

ОЛЯ. С ума сошел? Билеты стоят как в Нью-Йорк. Кстати, Ба, а ты надолго приехала-то?

БА. Так не знаю. Совсем сердце задавило. Вот, думала, ты меня по врачам повозишь. Больше-то чё у вас тут доброго?

ОЛЯ. Как по врачам? Ты обследоваться хочешь?

БА. Ну и полежать в больнице, если надо.

ОЛЯ. Зачем в больнице? Вот у Лёши мама – Аделаила Сергеевна, она гастроэнтеролог, и у неё связи, да, Лёш? Можно её попросить.

БА. Хорошо, полгода могу погостить. До Нового года точно останусь. Ёлку ставить будете? Или вы тут уже и ёлок не ставите?

ЛЕША. У нас искусственная. Маленькая такая. Тридцать сантиметров.

БА. Это потому что детей нет. Скоро усохнет до пятнадцати, прости господи.

ЛЕША. А не выпить ли нам за знакомство? Вы как, Марь Васильна?

БА. Не-не-не! У меня сердце, мне нельзя!

ОЛЯ. Ба не пьёт. А я вот выпила бы.

БА. И давно ты, Оленька?

ОЛЯ. Ба, успокойся, я не алкоголичка. И вообще, уже большая девочка.

БА. Ха-ха! Девочка! Поди, не девочка! Уже старородяща. Если, конечно, повезёт. А то годы-то идут.

ОЛЯ (*залпом выпивая рюмку коньяка*). Твоё здоровье, Ба!

БА. Сзади пионерка – спереди пенсионерка. Это не про тебя – про маму твою. Девять лет тебя не видела. Щеки-то отвисли, глядь.

ОЛЯ. Ба, ну что ты такое говоришь? Ну где отвисли?

БА. Ну, это у нас у всех у Скотинкиных, родовое.

Лёша прыскает от смеха.

ЛЕША. Извините. Просто фамилия смешная у вас.

БА. И у нас, и у Ольки. Каку Бог дал, таку и носим.

ЛЕША. Нет, ну у Оли же другая – Предвечная.

ОЛЯ. Ой, я давно хотела сказать тебе, Лёш, я взяла фамилию мамы, когда в Москву приехала...

БА. Какой мамы? Она сроду не Предвечная, а Голопупенко, мама твоя! Ишь чё – Предвечная.

Лёша снова прыскает от смеха.

ОЛЯ. Я понимаю, это очень смешно, Лёш, просто умереть не встать.

БА. А ты что это – от родовой своей отрекаешься? Ты чё это задумала? Иль ты замуж вышла? (*Лёше.*) Ты сам-то не Предвечный, парень?

ОЛЯ. Ба, послушай, я не выходила замуж...

ЛЕША. Нет, у меня старинная московская фамилия.

ОЛЯ. Послушайте, давайте еще выпьем!

Оля наливает себе коньяка и залпом выпивает одна.

БА. Свят-свят-свят! Да ты пьяница!

ОЛЯ. Ба, если твой муж был алкоголик, это не значит, что я пьяница.

БА. Ты на деда Романа не говори! Он был такой человек – не чета! Он на всех инструментах играл.

ОЛЯ. Ага, и повесился от белой горячки.

ЛЕША. Мария Васильевна, а давайте я вам грамм тридцать налью, а? Для сердца полезно, кардиологи говорят.

БА. Я не пью алкагаль. Ну налей для запаха. Правильно говорят: нет злей осенней мухи и девки-вековухи.

ЛЕША. А вот как вам мой штрудель, Мария Васильевна?

БА. А какие я шаньги пеку! В русской печи, настоящие!

ЛЕША. Шаньги? Это пироги?

БА. Батюшки свет, ты не видал шаньги? Там, поройся, там, в моем чемодане. Там, в кармане, да, вот-вот, кулёк голубенький тащи.

ЛЕША. Что это? Тут объедки какие-то.

БА. Это шаньга. Ешь-ешь, попробуй. Ты такого еще не ел. Это еще из дома, я пекла.

ЛЕША. А сколько суток вы до Москвы ехали?

БА. Ох, четверо, ехали-ехали, думала сдурею. Ну как?

ЛЕША. Мммм.

БА. Там еще сала достань кусок. И еще вон вынь кулёк. Да-да, этот. Я бы сама, да ноги не ходют.

ЛЕША. Тут что-то голубое.

БА. А это для Оленьки. Примерь, Олюшка. Это хороший, качество, не то, что теперь делают говно.

ОЛЯ. Что это?

БА. Костюм. Мне тесный стал, тебе как раз должен быть.

Оля примеряет старомодный голубой костюм с вышитой на груди белой розой.

БА. Господи, хорошо как! А я уж в другом буду помирать, купила такой бордовый.

ОЛЯ. В смысле?

БА. Ну голубой-то уже не по годам мне. Старуха. А тебе подходит. Потрогай материя кака добрая.

ОЛЯ. Ба, ты издеваешься? Это ты приготовила себе на смерть, а теперь мне даришь?

БА. А что? Я новое смёртное купила. А эти вещи-то добрые. Это я году в 78 купила, думала, сдохну. Но бог дал, живу. А туфли я Женьке твой сестре двоюродной отдала. У неё ножка-то маленька, как у меня, это у тебя лапища. Сколько у тебя, сорок первый, небось? Алексей, а посмотри там еще в газету завернуто. Да-да, это. А это, Оленька, ткань тебе. Пять метров, шей что хошь. Может, пальто? Ну или в крайнем разе чехол на диван сошьёшь.

ОЛЯ. Ба, откуда у тебя пять метров голубого плюша?

БА. Ну говорю же: купила в 78 году, перед операцией на почке. Думала, сдохну. Мне и мама-покойница снилась, с собой звала, и дед Пётр. Потом расскажу вам, как он мне в уши дул. А тогда же ничё не было. Гробы голые. Вот, купила гроб обивать. А теперь-то все гробы обитые уже. А ткань хорошая, хэбэ, теперь и не найдёшь такую.

Оля снимает костюм и заталкивает его вместе с плюшем обратно в сумку.

БА (*Лёше*). А неси-ка огурцов, Алексей. Закусывать нечем.

ЛЕША. А у нас нет огурцов. Может, маслины?

БА. Эту гадость не ем. А что, Оля, ты огурцы не солила в этом году?

ОЛЯ. Ба, ты знаешь, я не солю огурцы. И помидоры не солю. И капусту тоже. Я работаю в Останкино, Ба, продюсером на большом ток-шоу, вкалываю как проклятая, и плачу ипотеку за эту квартиру. Недавно только за машину расплатилась. У меня иногда сил нет унитаза почистить.

БА. Ну ты всегда лентяйка была. Как с тобой Алексей-то живёт?

ОЛЯ. Ба!

БА. Ну ладно-ладно. То-то я телевизера не вижу. Теперь понятно: ты на работе смотришь.

ЛЕША. А хотите я сделаю канапе с малосольной сёмгой? Я сам солил.

БА. Погоди.

Ба достает из своей дамской сумки маленькую коробочку и даёт Оле.

ОЛЯ. Что это? Серёжки. Это смертные сережки?

БА. Это тебе мать передала.

ОЛЯ (*возвращая коробку*). Верни ей.

БА. Бери, она заработала, сама купила. Это серебро.

ОЛЯ. Мне не надо от неё подарков.

БА. Зря ты так. Она тебе мать.

ЛЕША. Пожалуй, сделаю канапе.

Лёша уходит на кухню.

ОЛЯ. Ба, давай договоримся: мне от этого человека ничего не надо, и не говори мне про неё никогда, меня эта тема бесит, ты знаешь. Всё, забудь! Я забыла, и ты забудь. Кто она тебе? Она тебе никто, чужой человек.

БА. Ты на неё сильно похожа стала.

ОЛЯ. Пожалуй, пора укладываться спать. Ты устала, Ба, ложись, я тебе постелю на диване.

БА. Что твой мужик скажет, когда ты такая жестокая.

ОЛЯ. Зачем ты вообще эту тему начала? Ты еще расскажи, что она сидела, давай, расскажи, ага. Расскажи ему, что я дочь эчки, ага, он как раз женится тогда на мне, догонит и ещё раз женится.

Входит Лёша с канапе.

ЛЕША. Ой, а вы уже спать хотите укладываться?

ОЛЯ. Да, бабушке уже пора, она устала, такой длинный путь проделала. А мне завтра на работу, тебе тоже работать, кстати.

ЛЕША. Ну ладно. Я посуду помыл.

ОЛЯ. Молодец, давай тогда иди зубы чисти.

Лёша уходит в ванную, Оля выключает свет и ложится в постель и закрывает глаза, Ба ложится рядом с ней на кровать.

3.

Оля и Лёша лежат на диванчике, Ба громко храпит на кровати.

ОЛЯ. Лёх, ты как, всё нормально?

ЛЕША. Да нормально. Надо беруши поискать, где-то валялись у тебя.

ОЛЯ. Лёх, ну ты это, не обращай внимание.

ЛЕША. Да всё нормально.

ОЛЯ. Чё так лежать, давай хоть сексом позанимаемся, может?

ЛЕША. Я тебя умоляю. Вот, нашёл беруши.

ОЛЯ. Ну иди ко мне.

ЛЕША (*передавая Оле беруши*). Спи спокойно.

ОЛЯ. Кстати, твоя бабушка родом из Тамбова.

ЛЕША. Умерла уже моя бабушка.

ОЛЯ. И что?

ЛЕША. Теперь у меня чистая родословная.

4.

Утро, квартира Оли, на кровати спит Ба, на диване Лёша.

БА (*просытаясь*). Ангел мой, хранитель мой, будь всегда со мной.

ЛЕША (*просытаясь*). Что?

БА. А Оля-то где?

ЛЕША. На работе. Она рано, в шесть уезжает, чтоб до пробок.

БА. А ты?

ЛЕША. А я дома работаю. Завтрак приготовить?

БА. По домам, что ль, ходишь?

ЛЕША. Нет, я здесь, с компьютером. У меня свой интернет-магазин.

БА. Магазин свой? Продовольственный?

ЛЕША. Нет, печать на футболках, сумках холщовых. Хотите, какао сварю?

БА. Чайку пошвыркаю. Нет аппетита. Изжога замучила. Ты на работу когда?

ЛЕША. Да дома работаю, интернет быстрый. На компьютере.

БА. А как же, за работниками не смотришь, что ли? А вдруг украдут чё?

ЛЕША. Нет, там всё по-другому устроено... В общем, нет, понимаете. Короче, они все очень честные. Ну, я пойду яичницу делать.

БА. Погоди. Ты мне скажи: а вы чего детей не родили?

ЛЕША. Мария Васильевна, я не знаю, вы такие вопросы задаете...

БА. Погоди, ты скажи: она бесплодная?

ЛЕША. Ну почему бесплодная, по-моему, у Оли всё в порядке со здоровьем.

БА. Так ты болеешь?

ЛЕША. Да нет, не болею я, ну то есть, гастрит...

БА. Бог не даёт.

ЛЕША. Можно и так сказать.

БА. В церкву надо сходить. Нам тоже долго не давал, десять лет не давал, а потом я в церкву ходила и...

ЛЕША (*перебивая*). Ну, понимаете, я не совсем верю в это.

БА. Ты в бога не веришь? Господи, прости!

ЛЕША. Нет, вы не подумайте. Но да, в общем, да.

БА. Вот и проклял вас бог, детей не даёт.

ЛЕША. Да при чем здесь бог – мы сами не хотим.

БА. Как не хотите, батюшки свет?

ЛЕША. Так, не хотим. Я не хочу принципиально. На планете и так нас много уже, людей.

БА. Батюшки свет!

ЛЕША. Да не волнуйтесь! Сейчас многие пары не рожают детей, живут счастливо для себя, занимаются друг другом, саморазвитием. Ну, я пошёл завтрак готовить. Вы это, подходите.

БА. Погоди-ка, Алексей. Когда свадьба-то?

ЛЕША. Какая свадьба?

БА. Так ваша. Я зря что-ль приехала?

ЛЕША. Так а... не знаю. Мы не планировали.

БА. Как это?

ЛЕША. Давайте завтракать, да? Пойду приготовлю.

БА. Погоди-ка. Так ты это, раз не женишься, то уходи.

ЛЕША. В смысле?

БА. Ну давай назначим свадьбу, раз я тут, а, сынок?

ЛЕША. Мария Васильевна, ну всё сложно, вы ж понимаете...

БА. Тогда уходи.

ЛЕША. Мария Васильевна, давайте завтракать лучше. А эти все вопросы мы с Олей решим.

БА. А, ну да, решите.

ЛЕША. Да.

БА. Так позвони ей. Вот и решите. Бери-бери телефон-то.

ЛЕША. Прямо сейчас?

БА. Ну а чего ждать? Годы-то идут у девки. Да и ты – бился, колотился, доброй жены не добился. А Оля добрая.

ЛЕША. Ну зачем вы на меня нажимаете? Не буду звонить.

Лёша убегает на кухню и нервно готовит завтрак. Ба приходит за ним и стоит у него над душой.

БА. Надо решить, Алексей. Пора.

ЛЕША. Да отстаньте вы от меня!

БА. Давай, прыгай. У меня такое было – надо было через овраг сигануть. Шли мы с подружками, заблудились, а через овраг глядим – другая деревня. Обратно к нашей идти – уже ночь. Внизу – яма с водой. Надо прыгать.

ЛЕША. Да не надо мне прыгать, чего вы привязались-то ко мне! Как танк прёт и прёт.

БА. За наше добро да нам же в ребро.

ЛЕША. Я из-за вас палец порезал.

БА. Вот жена бы тебе пластырь дала. Жена мужу пластырь, а муж жене пластырь. Нервный ты какой-то, визгливый. Я Серёжу, Олиного отца-то, воспитывала, чтоб мужик был. Он у меня и дрова колот, и свиней кормил. Дам задание – пол помыть. Раз пришла поздно – а он спит и полы не помыл, в школу как раз пошел учиться. Ничего, разбудила – вымыл. Я всегда говорила: ты мужик, ты сильный. Но он добрый был, мягкий. Сосед раз собаку нашу отравил, Пирата. Он дырку в заборе сделал, залез и ему курей подавил, дурной был пёс. И я Сереже говорю: «Иди, возьми ружье и застрели собаку». Но он не пошел. Я тогда пошла, сама застрелила. А он не смог, маленький еще был, пацан. А я за Пирата отомстила. Слабых ненавижу. Как вижу в людях слабость эту – плюнуть хочется. Ну ладно баба, но мужик? Сильных мало. Раз ко мне на курорте один приклеился. Я этих мужиков как облупленных вижу. И этот такой вежливый, увивался всё вокруг меня, нахваливал. Немец, так-то русский, но немец обрусевший. Вечером пошел меня проводить, целовать полез. Я сразу по яйцам коленкой, и говорю «Гитлер – капут!» Боялся потом меня, как увидит – убежал. Ненавижу слабое. Я и в огороде всегда заговор читала. Сильный заговор. Слабое всё погибало, жуки дохли. Сильный заговор, он и на людей работает. Всех слабых изгоняет, всех плохих, очень сильный заговор. Вот слушай: «Отсох суходол, повёл суховой, сгинь, сгни, прочь, в ночь, здесь горькая осина, а там – мёд-малина, иди, гуляй, дороги обратно не знай!»

Лёша стремительно собирается и убегает из квартиры.

5.

Квартира соседа Тихона.

БА. Ну открывай, что ты – старушку испугался?

ТИХОН. А вы кто?

БА. Да Олина бабушка, глянь, как похожа. В меня Олька красотой.

ТИХОН. Какой Оли?

БА. Ну ты очумелый - соседка твоя снизу! Оленька, между прочим, одинокая, а ты?

ТИХОН. Я?

БА. Жена твоя где, говорю?

ТИХОН. Нет у меня жены, а вы что хотите?

БА. Ишь, портки как придумал. А волосы почему не стрижены?

ТИХОН. Так, послушайте, как вас?

БА. Не гляди высоко – запорошишь око. Баба Маша я.

ТИХОН. Баба Маша... А отчество есть?

БА. А у тебя-то есть? Или ты как мальчик всё ходишь у нас?

ТИХОН. Честно говоря, мне некогда, надо работать, сейчас придут люди...

БА. Как звать-то тебя, родной?

ТИХОН. Тихон.

БА. Ну садись, Тиша, садись, рассказывай.

ТИХОН. Вы познакомьтесь, что ли, хотите? Что рассказывать?

БА. Как живешь, хлеб жуешь?

ТИХОН. Да нормально, в общем-то.

БА. Ну-ну.

ТИХОН. Что вы так смотрите? Всё отлично у меня. Работа хорошая – йогу преподаю.

БА. Чего?

ТИХОН. Йогу. Физкультура такая. В хорошем клубе.

БА. Рассказывай, рассказывай.

ТИХОН. Массажы делаю – и в клубе, и на дому. Зарабатываю много. Деньги коплю. Штаны эти сам шил. Я много добился, да. Про меня писали в журнале. Здоровье отличное – не пью, не курю.

БА. Вот это молодец.

ТИХОН. Каждое утро музыку играю.

БА. На тазике этом?

ТИХОН. Это ханг, называется так – ханг.

БА. Что дурно, то потешно. А на баяне умешь?

ТИХОН. На каком баяне? Зачем? Отлично всё у меня, в общем.

БА. Бросила тебя жена?

ТИХОН. Жена? Мы не женаты были.

БА. Скучашь по ней?

ТИХОН. Очень. Пять лет вместе. Но это было осознанное решение, она перестала духовно расти...

БА. Ну бросила и бросила, не изводись. Новая, может, рядом ходит. Ребеночка-то бог не дал?

ТИХОН. Ну при чём тут... мы не хотели.

БА. Квартирка твоя?

ТИХОН. Нет, снимаю. Не всё рассказал ещё. Каждый год езжу в Индию, ретрит, просветление...

БА. Сапоги смазные, а дыры сквозные.

ТИХОН. Вы про что?

БА. Годы идут, вот так помрёшь – ни ребёнка, ни котёнка, одни порты дырявые в чужом дому.

ТИХОН. Я... Мария...

БА. Васильевна.

ТИХОН. Мария Васильевна, почему вы так? На самом деле...

БА. Эх, Тиша, такой смурной сидишь с этим тазиком, от тебя и таракан сбежит, не то, что девка.

ТИХОН. Это я её бросил, говорю же.

БА. Ну да.

ТИХОН. Я не смурной. Работаю. Пропил курс антидепрессантов.

БА. Чего? Таблетки пил?

ТИХОН. Мне сказали – депрессия, вот и пил. Да теперь у всех эта депрессия, просто не лечатся. У вас, может, тоже есть.

БА. У меня прошла, когда мы в войну лепешки из лебеды жрали.

ТИХОН. Из лебеды? Вкусно?

БА. Вкусно, нет – другой еды не было. Родители-то что говорят?

ТИХОН. А что родители?

БА. Сын-то старый, больной, на таблетках. Мать картошку посылает?

ТИХОН. Капусту квашеную привожу иногда. Они далеко, в Минске.

БА. Драники умеешь делать?

ТИХОН. Да, а что?

БА. Ну вот и сделай. И по соседям иди – ищи стариков одиноких.

ТИХОН. В смысле?

БА. Ты всех стариков в дому знаешь?

ТИХОН. Никого не знаю.

БА. Бывает парень страшненький, а добрый. Плоха рожа, да душа гожа. Вот и знакомься. И к нам заходи, мы внизу, под тобой. Только, давай, вечером, когда Олька дома. Давай тебе по батарее стукну и ты пулей к нам.

ТИХОН. Зачем?

БА. Зачем-зачем, чего ты как тубаретка трёхногая? Драниками Олю кормить.

ТИХОН. А! Драниками Олю кормить!

БА. И была бражка, да выпили барашки.

ТИХОН. Вы про что?

БА. Да про тебя, про что. Может, и был ум, да прошёл с молодостью. Ну чего ж, и нам не 16 лет. За 30 Ольке перевалило, честно говорю тебе, старородяща. Так что сойдётесь тихонько и живите, так-то у тебя чистенько, прибрано, будешь ей на тазике играть. Дети пойдут.

ТИХОН. Какие дети?

6.

Квартира Оли, вечер. Ба одна, сидит на диване и вяжет что-то. Заходит Оля.

ОЛЯ. Привет!

БА. А, это ты, Оленька?

ОЛЯ. А где Лёха?

БА. Так ушёл, на работу, наверное.

Ба стучит по батарее.

ОЛЯ. Когда ушёл?

БА. Так утром ещё.

ОЛЯ. Как утром? На работу? Так и сказал?

БА. Да не разобрала, что сказал.

Ба снова стучит по батарее. Оля звонит по мобильному телефону.

ОЛЯ. Алё, привет! Ты где? Как у мамы? В смысле? Ну ладно, пока.

Ба стучит по батарее.

Что происходит?

БА. Мастер приходил, застой у вас там, говорит, надо стучать, разрабатывать батарею. Так чего Алексей?

ОЛЯ. Это я тебя хочу спросить: вы тут поссорились что ли?

БА. Чай швыркали, разговаривали. Всё хорошо было.

ОЛЯ. Так а что же он к маме сбежал?

БА. Не знаю.

ОЛЯ. Ладно, разберёмся. Ой, чем-то вкусно пахнет.

БА. Так пирог спекла капустный. А может, драников хочешь?

Ба стучит по батарее.

ОЛЯ. Да хватит уже долбить! Драники жирные, зачем, пирога поем. А где ты дрожжи взяла?

БА. У соседки.

ОЛЯ. У какой соседки? Я тут никого не знаю.

БА. Сверху соседка, хорошая женщина, Катя, чистоплотная, муж – милиционер.

Оля ест пирог.

ОЛЯ. Вкусно, только теста много.

БА. Был бы хлеб, а уж люди народятся.

ОЛЯ. Надеюсь, у меня не народятся от одного куска. Ну давай, садись со мной.

БА. Да изжога, не могу, Олюшка. Познакомилась с соседом нашим сверху. Мужчина хороший, холостой. Знаешь его?

ОЛЯ. Кого?

БА. Соседа сваво. Тихон, не пьёт, физкультурой занимается.

ОЛЯ. Так, Ба, что-то не поняла: ты мне жениха нашла что ли?

БА. Ну почему сразу жениха? Познакомиться, поговорить, а потом жениться. Как раз свадьбу сыграю, пока я тут.

ОЛЯ. Так, стоп: ты серьёзно?

БА. А что? Конечно, серьёзно. Приехала я на свадьбу.

ОЛЯ. На какую свадьбу?

БА. Детей родить надо.

ОЛЯ. Ба! Ты с ума сошла!

БА. А вот еще, смотри, с яблочками настряпала. Конечно, не шаньги.

ОЛЯ. Так, насчет свадьбы - в ближайшее время точно нет, отбой. И вообще, только я наладила свою личную жизнь, нашла приличного парня, как ты приезжаешь и он сразу сваливает!

БА. Молодость уйдёт на зряшных сожителей.

ОЛЯ. Ба!

БА. Смотрела у Кати телевизер. И шоу твоё. Старуха пришла туда одна актриса. Обрадовалась. Мы-то, старики, радуемся вниманию. А её стали спрашивать: мол, сколько операций пластических ты делала? А сколько мужей было? А сколько любовников? Тьфу, срамота.

ОЛЯ. Так, Ба, стоп. Я тебя сюда не звала. Ты свалилась как снег на голову и плохо себя ведёшь! Почему Лёша ушёл?

БА. А от наших ворот есть поворот.

ОЛЯ. Боже мой!

БА. Оля, детка, мне кажется, он чем-то болеет.

ОЛЯ. Ну что фигня, Ба? Он здоров как бык! В спортзале пропадает, на велике, на борде...

БА. Помяни моё слово.

ОЛЯ. Так, ну что, ты везде тут потопталась, всё раскритиковала?

БА. Почему цветов нет? Люди посмотрят с улицы – голые подоконники. Как у алкашей. И гардины грязные!

Оля уходит из квартиры. Входит Тихон с драниками.

ТИХОН. Добрый вечер! Вот я сразу к вам пулей, с драниками.

БА. Эх, Тиша, не быть тебе охотником. С такими-то быстрыми пулями.

ТИХОН. Да я вообще против охоты, я вегетарианец.

7.

Караоке-бар, люди заказывают и поют песни. Оля и Маша ждут своей очереди.

МАША. Не, ну ты посмотри: ни одного красивого парня.

ОЛЯ. Конечно, мы же не в гей-клубе.

МАША. Старпёры какие-то сидят.

ОЛЯ. Ну почему? Просто зрелые мужчины.

МАША. Как на родительском собрании, будто и с работы не уходила. Хочу красивого. Чтобы высокий, фигура такая спортивная, но руки сильные чтоб. Примерно как твой Лёха. Слушай, наконец-то мы с тобой куда-то вышли, а! Хоть за это можно твоей бабуле спасибо сказать.

ОЛЯ. Машк, ты детей хочешь?

МАША. Мне детей пока в школе хватает.

К ним подходит Женя.

ЖЕНЯ. Девушки, а давайте вместе выпьем.

ОЛЯ. А давай!

ЖЕНЯ (*разливая алкоголь*). Женя.

ОЛЯ. Оля.

МАША. Маша.

ЖЕНЯ. Грустим?

МАША. Наслаждаемся.

ЖЕНЯ. Алкоголем?

МАША. Свободой.

ЖЕНЯ. Ничего, встретите и вы принца. Надо только внимательнее смотреть.

ОЛЯ. Пусть они смотрят сами.

ЖЕНЯ. Потом будете кусать себе локти после сорока.

ОЛЯ. Ха-ха!

МАША. Откуда такая самоуверенность?

ЖЕНЯ. Это жизненная мудрость, девочки. Вас много – нас мало.

ОЛЯ. Ха-ха!

МАША. То есть, надо хватать первого встречного, чтобы потом, после сорока, гордо предъявить социальной сети: о! У меня есть! Я не профукала своего гномика! Теперь, когда я постарела, у меня есть свой поюзанный коротыш, которому и бежать-то некуда, так что жизнь удалась – так что ли?

ЖЕНЯ (*официанту*). Три текилы. (*Оле и Маше*) Давайте на «ты» уже, окей? Ты такая няшная, Маша.

МАША. Я? Няшная? Меня дети в школе боятся.

ЖЕНЯ. А я не боюсь.

ОЛЯ. А ты мог бы украсть девушку?

ЖЕНЯ. Эту? Мог бы.

ОЛЯ. Не, хорошо знакомую уже.

ЖЕНЯ. Так а зачем её воровать? Она уже давно сама пришла, тапочки свои принесла, зубную щетку. Вот новую бейбу – да, пожалуйста, на одну ночь можно украсть. Маш, у меня проектор и много хорошего кино, поехали?

ОЛЯ. Ну вот, представь, она живет, например, со старой бабушкой, и тут надо решать. И ты хватаешь её и тащишь к себе.

ЖЕНЯ. Ну, по пьяни чего только ни делал. Но потом думаешь: как бы так красиво её обратно к бабушке выпроводить. Маш, ты с бабушкой что ли живешь?

ОЛЯ. Значит, не любил.

ЖЕНЯ. Что такое вообще эта любовь? Вот я понимаю: дружба. Это ценность, да. Маша, давай дружить!

МАША. Я подумаю, послушаю, как ты поёшь.

ЖЕНЯ. На вокал уже пять лет хожу, так-то.

МАША. А сейчас услышишь, как поют школьные учителя математики.

Маша выходит к микрофону и поёт песню.

ЖЕНЯ. Какой красивый тембр.

ОЛЯ. А давай сделаем селфи?

ЖЕНЯ. Зачем?

ОЛЯ. Тебе жалко что ли?

ЖЕНЯ. Ну ладно.

Оля делает селфи с Женей.

ОЛЯ. Сейчас мой парень сюда приедет, вставит тебе.

ЖЕНЯ. Чё?

ОЛЯ. Я ему фотку отправила.

ЖЕНЯ. Зачем?

ОЛЯ. Ну подумала, давно не ревновал. Иногда надо, знаешь... Хэштэг «освежимчувства». Ты кем работаешь?

ЖЕНЯ. Сайты продвигаю.

ОЛЯ. Ну то есть, если палец, там, сломает, ты, принципе, можешь и другим пальцем продвигать, да?

ЖЕНЯ. В принципе, да. А он кем работает?

ОЛЯ. Он, в основном, в спортзал ходит.

ЖЕНЯ. Скоро приедет?

ОЛЯ. Думаю, песню спеть успеешь, твоя же очередь, да?

ЖЕНЯ. Знаешь, что-то горло запершило. А как Машу в инстаграме найти?

ОЛЯ. Так зачем её искать – вот она в реале.

ЖЕНЯ. Просто у меня там доставка из Икеи, мне бежать пора. Скажи Маше, чтоб она через неделю сюда приходила, я тоже буду.

Женя убегает. Возвращается Маша.

МАША. А где Женя?

ОЛЯ. Убежал домой.

МАША. Как убежал?

ОЛЯ. Ой, ну зачем тебе такой – хиленький, трусливый.

МАША. Интеллигентный зато.

ОЛЯ (*смотрит в телефон*). Ой, Лёха селфи с каким-то бабами прислал.

МАША. Зачем тебе такой, Оль?

ОЛЯ (*официанту*). Четыре текилы.

8.

Квартира Оли, день. Оля просыпается на диване от того, что Ба поёт песню и вяжет носок.

БА (*поёт*). По деревне ходила со стадом овец деревенская Катя-простушка, и понравился ей молодой дуралей – чернобровый красавец Андрюшка.

ОЛЯ. Ба, ну что с утра пораньше?

БА (*поёт*). «Давай, Катя, с тобой переменим мы жизнь деревенску на жизнь городскую. Наряжу я тебя в тёмно-синий костюм, и одену я шляпу большую».

ОЛЯ. И не «одену», а «надену», сто раз говорила.

БА (*поёт*). «Вот уж годик прошел, а Андрюши всё нет, и ребенок родился к тому же. Катя сильно грустна, хватъ ребенка она, едет в город разыскивать мужа».

ОЛЯ. А муж с тёлками развлекается. Ну потише, башка болит.

БА (*поёт громче*). «Научилась она водку горькую пить, и ребенок при этом скончался. Научилась она в рестораны ходить, наконец ей Андрюша попался».

ОЛЯ. Ну слава богу, попался. Можно теперь потише?

БА (*поёт*). «Здравствуй, миленький мой, муженек дорогой, как давно по тебе я скучаю». А Андрюша-подлец покачал головой: «Не видал я тебя и не знаю».

ОЛЯ. Тут и песни конец.

БА (*поёт*). «Закипела тут кровь у Катюши в груди, она нож ему в сердце вонзила: «И за прежню любовь, за измену твою - за все беды тебе отомстила!»

ОЛЯ. Всё? Чё так мало? А где куплет из женской зоны? Как она срок мотает и его вспоминает?

БА. Ну что, работу проспала? Кусочницу сготовить?

ОЛЯ. А сколько времени?

БА. На сале или на масле?

ОЛЯ. Фу, меня тошнит. Дай мне аспирина, что ли.

БА (*передавая Оле таблетки и воду*). На вот, лучше угля пожуй. Я всегда Роману с похмелья давала. Уж он этого угля сжевал! Центнер. Раз загулял, три дня не было. Думаю: ладно, явись только. А он шофера прислал вместо себя. Приходит шофер ко мне в контору, вызвал меня. Ну, вышла в коридор. Вот, мол, записка вам от Романа Иваныча. Ну, беру, читаю. Написано: «Не ищи

меня, Маня, не найдёшь: моё тело будет в морге. Копия записки в кармане пиджака. Твой Рома». Ну ладно, прочитала, вернула записку, обернулась и пошла. А шофер мне говорит: «А ответ? Он просил ответ!» Я говорю: «Ответа не будет». Иду, думаю: «Ну, явись только, ну явись, охламон, хуинбин хренов!» А он что, явился через сутки, больной весь с похмелья. А всё равно любила.

ОЛЯ (*глядя в телефон*). Блин, уже одиннадцать!

БА. Давай: соскочила – побежала! Хоть к обеду придешь.

ОЛЯ. Не пойду. Скажу: заболела. (*звонит по телефону*). Алё, Лена, привет, я тут заболела, не приду сегодня. Да, я знаю, что надо, но не могу. Плохо мне, температура тридцать девять. Да знаю, что срочно, но что же мне теперь: клонироваться?

БА. Вот и мать твоя тоже – соврёт и глазом не моргнёт.

ОЛЯ. Ты мне мозг пришла компостировать? Лучше чаю сладкого сделай.

БА. Ишь чего, алкашам чай таскать. Давай-ка садись тесто меси, у меня сил нет. Будем пельмени лепить. Гляжу – пустая морозилка, только лёд грязный лежит.

ОЛЯ. Это лёд из отвара ромашки, для лица я сделала. Ты не выкинула, надеюсь?

БА. Льдом набила морозилку, а пельменей нет. Конечно, я расчистила.

ОЛЯ. Ну боже мой, хоть бы спросила!

БА. Потому у тебя мужа и нет, что пельменей нет. Пожрать кроме грязного льда нету. Погрыз – и сбежал.

Оля раскатывает тесто.

ОЛЯ. Ну ладно, ладно, вот, работаю, ты же не успокоишься. А где фарш взяла?

БА. Так Катин муж с охоты вернулся, кабана привёз.

ОЛЯ. Ужас какой.

БА. А им всем уже носков навязала, пирогов напекла. Ты же не жрёшь ни черта.

ОЛЯ. Пельмени будет вся наша многоэтажка есть, понятно.

БА. Ты когда маленька была – у тебя была такая волосатая спинка. Гладишь, гладишь как персик. А когда тебе лет пять было, пришла и говоришь: «Ба, а зачем моя мамка беременная кошку пнула? Мне во дворе сказали, что я волосата, потому что мамка кошку пнула». А я тебе говорю: «Да ну, врут всё». Она тогда первый раз села, мать-то. По глупости – казённые деньги украла, немного. По глупости. А ты скучала по ней. Лепила себе когти из пластилина и говорила: «Как у мамки». Из-под духов бутылки собирала, картонки разные. Туфли её на каблуках доставала, ходила. Она красавица же была, Верка-то. Она и сейчас.

ОЛЯ. У меня нет матери.

БА. Бабы её ненавидели, что она жопой вертела перед их мужиками. Бедовая. Ради тряпки красивой душу продаст.

ОЛЯ. Слышишь? Нет матери у меня!

БА. Пела хорошо, и сейчас. Как запоёт «Белой акации гроздь душистые» - так мужики слезу пускают – чистый голос, хрустальный! Учиться не захотела, талант свой в землю зарыла. Серёжа любил её, обожал. Думал, женится на ней, так она человеком станет, выучится. Но нет, променяла свой век на холщовый мех. И тряпки легко приходили – легко уходили. Авантюристка. Бегала от Серёжки, конечно. С начальником его крутила.

ОЛЯ. Ну не надо, Ба. Не надо. Зачем ты мне это всё рассказываешь?

БА. Они все такие, вся родова. Мать её, твоя бабка, Неля, хорошая была женщина, строгая, сильно Верку била, шпыняла, человека хотела сделать. А вот Нелина мать, твоя прабабка – так та такая оторва была! Федора звали, Дора. Степнячка – отец ее какой-то узкоглазый. Но рукастый, работал много, Федору эту в гимназию отдали. А потом она в театре стала играть. В местном, навроде самодеятельность. Пришла всякая шушера красноармейская, всякие там Щетинкины – она перед ними играла, позорилась, по ресторанам таскалась. Родит – и умирает у неё ребеночек-то. Тогда же просто было – переставали кормить и всё, Бог дал – Бог взял. Или на мороз выносили.

ОЛЯ. Ну всё, хватит! Не хочу знать этот ужас!

БА. А потом белые пришли – она с белым спуталась, бежала с ним во Владивосток, когда революция-то настала. Они хотели, вроде, в Харбин бежать. Но он бросил там её, Дору-то. Она мальчика родила, и снова умер у неё ребёнок – но об этом-то она плакала, вспоминала его всю жизнь, сыночка-то. Вадиком назвала. Видать, и правда случайно умер.

ОЛЯ. Ба!

БА. Потому уж замуж вышла, родила твою бабку Нелю. Жить бы и жить, но посадил за спекуляцию – она ни дня на советскую власть не работала, всё шали вязала, веники вязала, на огороде что вырастит – продаёт. Неля, пока мать сидела, поехала в город к её сестре, к тётке своей. А тётка бездетная была, заставляла её пирожками торговать. Война, голодное время, пирожки-то брали хорошо, а Неле есть не разрешали. Вот она и стояла, от голода чуть не падала. А если съест пирожок – тётка била. У неё месячные только в 19 пришли от недоедания. Ненавидела Нелька мать-то свою. Как ты свою.

ОЛЯ. Я хочу другую семью! Другую, слышишь? И у меня будет семья, нормальная, где все нормальные, и муж мой будет нормальный – это Лёша.

9. Оля в гостях у Аделаиды, Лёшиной мамы. Оля, Лёша и Аделаида сидят на кухне.

АДЕЛАИДА. Что-то ты не ешь ничего, Оличка, это забота о красоте?

ОЛЯ. Спасибо, Аделаида Сергеевна. Я не голодная.

АДЕЛАИДА. У тебя же всегда такой здоровый аппетит, не узнаю тебя. Это всё народные корни. Мы с Лёшей имеем какое-то капризное пищеварение, это потому что все поколения до нас жили в большом городе, отсюда аллергии, мигрени.

ЛЁША. Ма, включи врача.

АДЕЛАИДА. Да, действительно, медицина не выходит из головы. Лёшенька балует меня! Вчера подавал свекольный ролл с козьим мягким сыром, апельсиновые спагетти, бальзамическую икру. Все подружки завидуют – это же настоящая молекулярная кухня!

ЛЁША. С такими-то прибабасами любой начнет готовить.

АДЕЛАИДА. Да, у нас все условия, мой дорогой, всё для тебя. Только вот русской печи нет. Что, Оля, у твоей бабушки есть русская печь? В деревнях остались.

ОЛЯ. Ну Березовка уже не совсем деревня, скорее, посёлок...

АДЕЛАИДА. У Лёшеньки была одноклассница из области, помнишь, Лёш? Как её? Таня Граблина? И она семечки лузгала, помнишь? Я всё время боялась, что она тебя вшами заразит. Так смешно – хорошая школа, со всей Москвы туда

мечтают попасть, а часть учеников была просто по прописке. Простые совсем люди, с педикулёзом. Ну да ладно, их жалеть надо. Но и нас надо жалеть. Лёша быстро утомляется, ты же знаешь – тонкая душевная организация, хрупкая нервная система.

ОЛЯ. Бабушка скоро уедет.

АДЕЛАИДА. Конечно, в центре жить удобнее, у нас потолки высокие, лепнина. И спортзал рядом, новый совершенно, в бассейне чистейшая вода. Лёшенька тут с одноклассниками встречается – вчера с Леной Ковальской, позавчера с Сашей Денисовой. Они обе как были самые красивые в классе, так и остались, только ещё свежее стали. Только замуж всё не выйдут. Но мне кажется, уже хотят, да, Лёш?

ЛЕША. Да.

АДЕЛАИДА. Конечно, таких красоток у нас в Москве изобилие, а мужчин, как Лёша, и нет почти. Ковальская как узнала, что Лёша у нас бизнесмен, так сразу у меня его Инстаграм попросила!

ОЛЯ (*Лёше*). Вернись домой.

ЛЁША. Мне и тут норм.

ОЛЯ (*Лёше*). Надо было сразу поговорить с бабушкой, тут я виновата. Она, бывает, сморозит что-то, человек простой. Хочешь, прощения попросит?

ЛЕША. Не надо.

АДЕЛАИДА. Оль, ну позволь ему пока дома пожить, ему дома действительно лучше.

ОЛЯ. Я и говорю: пусть вернётся домой.

АДЕЛАИДА. Он у тебя там сидит как не в Москве, как в области. Ты всё равно целыми днями на работе, он там один, с чужим человеком. Тем более, наш мальчик интроверт, ты же знаешь, и перфекционист, на чистоте помешан. А бабушка всё-таки человек пожилой. У неё свои привычки.

ЛЕША. Она пахнет. И грязными руками за полотенце.

ОЛЯ. Я поговорю, она уедет. Какие планы на выходные? Давай в парке погуляем?

АДЕЛАИДА. А Лёша уже с друзьями едет на дачу.

ОЛЯ. На дачу? Прекрасно! Обожаю дачи. Давай за тобой заеду и вместе на моей поедем. В субботу утром? Или в пятницу вечером?

ЛЕША. Оль, ну мы чисто мужской компанией, на великах, ты же не любишь на великах.

ОЛЯ. Я научусь. Сегодня среда, завтра куплю велосипед, потренируюсь и к субботе буду гонять.

ЛЕША. Оль.

АДЕЛАИДА. Теперь все такие спортивные. Лена Ковальская триатлоном занялась, Саша Денисова марафоны бегаёт, в теннис играет, в пинг-понг, зимой на сноуборде, на лыжах, коньках!

ЛЕША. Ленка ещё на лошадях.

ОЛЯ. Буду кататься на велосипеде, борде, лыжах, лошадях, самокате – на чём ещё надо? Хотите, на моноцикле?

АДЕЛАИДА. Давно пора, Оличка, это и для здоровья, и Лёше должно быть нескучно.

ОЛЯ. У меня ипотеки только пять лет осталось.

ЛЕША. Взял ипотеку – работай на аптеку. Не надо было брать, Оль, всегда говорил, это тупо.

АДЕЛАИДА. Лене Ковальской папа квартиру подарил – сто квадратных метров! Тут недалеко, кстати, новый фонд. Потолки высокие, два санузла, пол с подогревом – прекрасные апартаменты.

ЛЕША. И два балкона. И окна на парк. Утром просыпаешься – птички поют. И кровать ортопедическая. Ну, Ленка рассказывала.

(Пауза)

ОЛЯ. Спасибо, очень вкусный пирог.

АДЕЛАИДА. Ты заходи, Оличка, на следующей неделе. Лёша ещё что-нибудь изобразит, да, Лёш?

ЛЕША. Конечно, заходи, Оль. Мы всегда рады.

АДЕЛАИДА. Всё-таки мы к тебе привыкли.

ЛЕША. Мам, где мои штаны розовые?

ОЛЯ. Ты проводишь? Я без машины.

ЛЕША. А? Ну, я покататься вообще-то хотел.

ОЛЯ. Ой! Я же такси вызвала! Забыла совсем. Всё, пока-пока!

10.

Квартира Оли, Ба открывает дверь – на пороге Данил.

ДАНИЛ. Соцзащита, здрасьте.

БА. Ну здравствуй, проходи, хвастай.

ДАНИЛ. Я ваш соцработник Даниил.

БА. Ну проходи, сынок, садись на тубаретку, я Мария Васильевна, баба Маша, чайку будешь?

ДАНИЛ. Я, типа, по делу. Только сегодня Министерство здравоохранения совместно с департаментом социальной защиты проводит акцию для пенсионеров.

БА. Слава богу! А то всем акции, а у меня ни одной завалышей.

ДАНИЛ. В ваше распоряжение может поступить медицинский аппарат, который лечит от многих болезней. Вот сертификаты на него, вот заключение главврача Москвы с печатью, видите? Вы очки-то наденьте, типа.

БА. Да верю, верю тебе, сынок. Глаза у тебя такие голубые, ясные. Рассказывай дальше.

ДАНИЛ. Вот какие у вас болезни?

БА. У меня-то?

ДАНИЛ. У вас.

БА. Так давай чайку плесну, этак у тебя во рту пересохнет слушать, список-то мой длинный.

ДАНИЛ. Ну, типа, давайте.

БА *(наливает ему чаю)*. В 78 году положили меня делать операцию на почку.

ДАНИЛ. О, круто, пиелонефрит! Типа, наш прибор лечит от пиелонефрита.

БА. Да погоди ты. Нет почки уже, лечить нечего.

ДАНИЛ. Реально нет?

БА. Реально. Слушай. А мне сон снился худой. Покойница бабушка к себе звала. Иди ко мне, говорит, Манька, вместе поваляемся с тобой.

ДАНИЛ. Типа, если у вас гастрит, холецистит, цистит, колит – от всех этих болезней наш прибор тоже лечит, вот лицензия...

БА. Да погоди ты со своими лицензиями, ты мне скажи – у тебя старики живы?

ДАНИЛ. Какие старики?

БА. Ну бабки-дедки?

ДАНИЛ. Одни уже того, типа. А одни живы, но они далеко.

БА. А где?

ДАНИЛ. В Владивостоке.

БА. Батюшки свет, какая тьмутаракань. Так ты бери билеты и едь. К ним едь.

ДАНИЛ. Окей, окей. Так вот, если у вас, типа, артрит, или головные боли, мигрень...

БА. Мигрень! Да, у меня тогда перед операцией мигрень была. Думала: как так? Резать будут брюхо, а болит башка. А это мне покойники в уши дули.

ДАНИЛ. Как это дули?

БА. Ой, Гавриил, такая страсть!

ДАНИИЛ. Даниил.

БА. Открываю дверь – входит дед Пётр, покойничек, и говорит: «Ты давно стариков не поминала, Манька, бессовестна». А я ему: «Так сегодня блинов напекую, помяну, а на кладбище скоро пойду, родительский день через месяц». А он: «Мож, и не дойдёшь. Другой и рад дойти, а всё уже». Тут у меня ноги и отнялись.

ДАНИЛ. Если ноги у вас как бы отнимаются – надо наш прибор прикрепить вот так и так...

БА (*перебивает*). А он хватъ меня за руки и закружил, кружил, кружил, кружил, а потом как дунет в ухо! Ну проснулась я и давай блины печь.

ДАНИЛ. Сегодня акция – огромная уникальная скидка жителям нашего района, вместо 150 тысяч прибор стоит 20 тысяч.

БА. Вижу, Гаврюша, зыркаешь по углам, значит, и тебе покойники в уши дули?

ДАНИЛ. Мне? Не, мне как бы не дули, просто курить хочу.

БА. А ты когда на кладбище был? Когда блины пёк?

ДАНИЛ. Я и не знаю, на каком они, типа, кладбище.

БА. Дурно, дурно, парень. Имя архангельское, а живешь как мандавошка.

ДАНИЛ. Так чё, братъ будем? Если чё, прибор вернёте, а мы, типа, вернём деньги.

БА. Вижу, хлестал тебя отец ремнем. Хлестал?

ДАНИЛ. Какое отношение это имеет...

БА. За дело, конечно – ты в школе дурно учился, Гавриил.

ДАНИИЛ. Даниил я.

БА. Смотри, может и тебе теперь дед Пётр приснится и будет в уши дуть. Погоди-ка, Тишу вызову, ему тоже полезно послушать.

Ба стучит по батарее.

ДАНИЛ. Так будете братъ, а то мне как бы пора? Быстро оформим.

БА. Сердце разрывается на тебя глядеть, Гавриил: золотушный какой-то, старики перемерли, а помочь с того света не могут, ты же блины не печешь, а отец последний ум из тебя выбил, так что пошёл ты по дурной дорожке, и никто-то никто не будет тебе передачи в тюрьму носить, сынок. Пропадёшь ни за что, ни про что, как моя почка.

ДАНИЛ. Почему не будет? У меня, типа, мать есть!

БА. Так ведь не любишь ты мать, да и плюнула она в тебя. Нова семья у ней.

ДАНИЛ. А вы, типа, откуда знаете? Бросит её этот перец, а я у неё сын. Будет прощения просить.

БА. Знаешь что, ты давай-ка ложись сюда, сынок, а я тебе прибор твой привяжу к голове и сердцу. И ты полечишься. Но давай обещай, что блины спечешь, а потом во Владивосток поедешь к живым-то? На поезде, милое дело. Я тебе пирожков спеку в дорогу, заходи.

Даниил собирается уходить.

ДАНИЛ. Курить охота.

БА. Погоди! А прибор-то забыл!

ДАНИЛ. Это вам, типа, подарок.

Даниил уходит, заходит Тихон.

ТИХОН. Добрый вечер! Соль кончилась, у вас не найдётся?

БА. Да не налегай, я одна. На работе она ещё.

ТИХОН. А что же вы по батарее стучали?

БА. Да парнишка один приходил, Гавриил, спрашивал про почку, убежал уже, недослушал. Думала, и тебе интересно. А ну-ка жених, ты как вошёл-то? Плечи сжал, батюшки свет, морда скособочилась (*передразнивает*): «Соли не найдётся?» Тьфу, нищета последняя, битая моль. Ты бы вошёл, грудь вперёд, улыбку растянул до ушей, мол, ну чё? Как вам тут, девчонки, праздник не наладить?

ТИХОН. Так и говорить?

БА. Ну попробуй.

ТИХОН. Ну чё, девчонки, праздник вам тут не наладить?

БА. А глазёнки испуганные, будто котёнок обосрался.

ТИХОН. Ну это же неественно как-то – у вас же праздник и не ломался. А тут я.

БА. Муж мой, Роман, на гармошке играл, говорила тебе. Мог на чём хошь сыграть. Раз пришли мы к тётке моей, а она в городе жила, замужем за дядей Павлом, а у них пианино. Ну и стоим мнемся: то да сё, об чём говорить. И тут Ромка увидал пианино ихнее, первый раз он тогда пианино-то видел. Открыл, перебирал-перебирал, и заиграл! Так заиграл хорошо, батюшки свет! Дядя Павел говорит: «Да ты талант, Ромка!» Он такой был, да.

ТИХОН. У вас нет пианино тут.

БА. Да на что оно тебе, ты и не сыграшь.

ТИХОН. Ну я могу выучить что-то. Собачий вальс.

БА. Э, не, у тебя другой коленкор. Есть мужики – ха! Решительные! Но это не твоё.

ТИХОН. А какой у меня коленкор?

БА. Тихий ты, Тиша. Имени под стать.

ТИХОН. Знаете, Мария Васильевна, вы как мой папаша, подполковник. Всё меня воспитывал. Настоящего бойца хотел сделать.

БА. Добра тебе отец хотел.

ТИХОН. Поэтому я уехал.

БА. Ну пусть отец отдохнет от тебя, умаялся он, конечно. Я за тебя возьмусь покамись. Тебе надо, Тиша, сразу – бац! И внимание взять, чтоб девки все на тебя посмотрели и запомнили. Мож, тебе спеть от порога? Ну как будто

напевашь себе под нос. Песня, она знаешь, как за душу берёт! Вот услышит Оля и растает.

ТИХОН. А какую песню?

БА. На горе колхоз, под горой совхоз,

А мне миленький задавал вопрос.

Задавал вопрос, сам глядел в глаза,

Ты колхозница, тебя любить нельзя.

Что колхозница - не отпираюся,

И любить тебя не собираюся.

ТИХОН. Вот Оля удивится.

БА. Да эту я Ромке пела, хохотали до упаду! Мы рано женились. По шестнадцать обоим. Он меня после клуба догонял, а я убегала, догонял – убегала. В Сагайске мы жили, большое село. А я убегала, дура. А он всё время догонял. А так-то он многим нравился, гармонист же. Как растянет гармошку – все девки рты раскрывают. Но ты давай думай, выбирай песню-то.

ТИХОН. Может, из современного? (*поёт песню Монеточки*)

Я за эти кальсоны тебе отдала бы максимум тыщу!

О, расскажи, почему за такие баблища такое дерьмище?

БА. Это частушка? Ну пусть частушка для начала, ладно. Голосок ничего такой. А ну давай ещё. Только давай про любовь, что ты про исподнее.

ТИХОН (*поёт песню Валентина Стрыкало*). Тихо лужи покрывает лёд, помнишь мы с тобою целовались ночи напролёт, под шум прибоя, это лето не вернуть уже, я знаю, но когда печаль в моей душе, я вспоминаю. Яхта, парус – в этом мире только мы одни. Ялта, август – и мы с тобою влюблены.

БА. Вот это добрая песня. (*напевает*) «Яхта, парус – в этом мире только мы одни». А есть у тебя рубашка?

ТИХОН. Рубашка?

БА. Ну что ты всё в лохмотьях, рубашка, штаны нормальные есть?

ТИХОН. А эти разве не нормальные?

БА. Иди сегодня и купи нормальную одежду. А то ходишь как помазок.

ТИХОН. Как кто?

БА. Помазок.

ТИХОН. Знаете, Мария Васильевна, вам дай волю, вы из меня сделаете колхозника.

БА. У тебя дед, бабка есть?

ТИХОН. Ну есть.

БА. Где живут?

ТИХОН. Ну в селе. Там, под Минском.

БА. Картошку растят?

ТИХОН. Ну растят. Бульбу.

БА. Так ты колхозник и есть, всё правильно.

ТИХОН. Ну при чем тут? Я в Минске родился, у меня папа художник.

БА. Да тебя за драник купить можно.

ТИХОН. Знаете, Мария Васильевна, мне пора.

БА. Сиди, пора ему. Будем из тебя артиста делать.

ТИХОН. Зачем?

БА. Жениться тебе пора, вот зачем, пропадёшь тут один.

ТИХОН. Я нашёл пять старушек и двух стариков.

БА. Где?

ТИХОН. Ну вы мне велели драников напечь и пойти по соседям.

БА. Ну.

ТИХОН. Старик один мне так и не открыл – сказал, что я его хочу отравить и квартиру себе забрать.

БА. Ну а ты?

ТИХОН. Он жалобу написал участковому на меня.

БА. Ну вот, некогда грустить, да, Тиша? Столько дел: костюм и рубашку купить, волосёнки постричь, на баяне научиться, да с участковым выпить.

ТИХОН. Вы издеваетесь, да?

БА. Ну не пей с ним, просто на рыбалку сходи, подружись, ты мужик, он мужик, а то ты всё один – у нашего свата ни друга ни брата. Вот у Романа все друзья были. Куда ни придёт – пять минут поговорил – всё, друзья не разлей вода.

ТИХОН. Но я не Роман!

БА. Жалко, что не Роман. Он мог молчать, мог петь – всё одно, все только на него и смотрели. Раз приехали в деревню, а Ромка артист был. Все говорили: артист. Приехали мы в деревню одну, к его дядьке двоюродному. Ну, собралась там родня, сидят, выпивают. И спрашивают его: ну, кем ты работаешь, Роман Иваныч? А мы тогда в Абакане жили уже, он на автобазе работал. А он говорит им: «Да я вертолётчик». Они: «Как вертолётчик?!» Они вертолётов сроду не видали, конечно. Он: «Да, вертолётчик, на вертолёте летаю». А они в той деревне рыбу ловили: хариусов, муксунов. Заготовливали и продавали, хорошо жили. Только жадные, прости Господи: никогда рыбки с собой не дадут. А Ромка говорит: «Да, вертолётчиком устроился. Деньги хорошие. Грузы цепляю вертолётком, везу их, хорошо получаю». А дядьки уши поразвесили. Он такой был, Ромка, все верили ему. Грудь расправил – как директор завода будто, будто городской такой. Я сама сижу и верю. Дядьки чуть не передрались – давай ему все свою рыбу совать – чтоб он вывез вертолетом и продал! Уж очередь придумали: кто за кем, после кого, что он скоро прилетит, их все бочки заберёт, батюшки свет! Заспорили, за бороду друг друга таскают – кто первый бочку выставит! Он их на бумажку всех записывает, важный такой. Забрали мы этой рыбы килограмм двадцать, будто на пробу. И уехали. Такой он был, Ромка, царствие небесное.

(поёт) Где тропа, где тропа за рекой запорошена-

Были встречи у нас горячи.

Не ходи, не ходи ты за мною, хороший мой,

И в окошко мое не стучи.

Ведь не я ведь не я тебя, милый, оставила,

Сам пошел ты на выбор такой.

Ведь не я ведь не я тебя, милый, заставила

Целоваться на свадьбе с другой.

Ба вытирает слёзы.

ТИХОН. Вы, главное, не волнуйтесь, вам вредно.

БА. Хороший ты парень, добрый.

ТИХОН. Я готов на ком угодно жениться, если вы моей бабушкой станете. А сына мы Романом назовем, хотите?

БА. Я согласна.

11.

Караоке-бар. Оля и Маша ждут свою очередь, чтобы спеть песню.

ОЛЯ. А я Круга буду петь.

МАША. Круга? Это такие блатные песни? С ума сошла?

ОЛЯ. Маш, у тебя кто родня?

МАША. В смысле?

ОЛЯ. Переводчики и учителя. А что ты про мою родню знаешь? Лучше тебе ничего не знать.

МАША. Ой, я тебя умоляю.

ОЛЯ. Мать у меня зэчка.

МАША. Как зэчка?

ОЛЯ. Так.

МАША. Ну ладно. Семь лет дружим, не рассказывала. Я всё-таки твоя подруга, могла бы поделиться.

ОЛЯ. Мы, дети зэков, скрытные.

МАША. А Лёха знает?

ОЛЯ. Не знает и знать не хочет.

МАША. Как он там, кстати?

ОЛЯ. Звонила ему, бесполезно. А Ба тоже не собирается валить, я хз, сколько ещё пробудет. Пока, говорит, замуж тебя не выдам.

МАША. О-о-о, это надолго.

ОЛЯ. Почему надолго? Может, скоро выйду?

МАША. Такая оптимистка.

ОЛЯ. Интересно, я такая уродина, что и замуж никто не возьмёт?

МАША. Ну почему уродина. Нет. Только так чтоб прям женился кто-нибудь – точно нет.

ОЛЯ. Интересные дела, почему это? Я просто цель не ставила, понимаешь? Не было цели такой. Не визуализировала.

МАША. Ну давай, поставь - цель.

ОЛЯ (*оглядывается*). Ни одного красивого мужика.

МАША. Да уж. А вон смотри: как тот тебе?

ОЛЯ. Этот? В Джинсах? Ну ничего. Ща, мы с ним познакомимся.

Оля улыбается парню в джинсах, это Степан. Степан подсаживается за их столик.

СТЕПАН. Мы знакомы? Вы мне так улыбаетесь.

ОЛЯ. Просто хочу, чтобы вы мне тоже улыбнулись, и тогда я рассмотрю ваши зубы.

СТЕПАН. А что с моими зубами?

ОЛЯ. Просто хочется встретить человека с хорошими генами. Нам еще размножаться.

СТЕПАН. Хэштег «серьёзныепланы».

ОЛЯ. Как вас зовут?

СТЕПАН. Стефан. Ну, то есть, Степан.

ОЛЯ. А вы сколько раз подтягиваетесь, Степан?

СТЕПАН. Ха-ха-ха!

ОЛЯ. Я так и подумала. А сколько у вас детей? Бывших жён? А вы ответственный? А вы сексом сколько раз в неделю хотите заниматься?

СТЕПАН. Ха-ха-ха!

ОЛЯ. Я так и подумала. Вы кто по профессии?

СТЕПАН. Я скульптор.

ОЛЯ. Я так и подумала. Вы нам не подходите, Степан.

СТЕПАН. Хэштег «славабогупронесло». А как вас зовут?

МАША. Оля её зовут, она шутит, вы ей очень подходите, Степан.

Вдруг к ним подходит пьяный Лёша.

ОЛЯ. Лёха?

ЛЕША. Привет.

ОЛЯ. Привет. Ты как меня нашел?

ЛЕША. Ты зачекинилась в фейсбуке.

ОЛЯ. Я?

МАША. Я нас с тобой зачекинила.

ЛЕША (*про Степана*). А это кто? Похож на неудачника.

СТЕПАН. Ха-ха-ха!

ЛЕША (*Степану*). Заткнись!

СТЕПАН. А в чем дело?

ОЛЯ. Ты пьяный, Лёх?

ЛЕША. Отойдем.

ОЛЯ. Да ладно, чё ты, говори, все свои.

ЛЕША (*пытаясь говорить тихо, чтобы слышала только Оля*). Я не хотел говорить. Это не телефонный разговор. Но твоя бабушка реально обладает паранормальными способностями.

ОЛЯ. Ха-ха-ха. Ты зачем напился? Тебе же нельзя, ты на спорте.

СТЕПАН. Не понял: в чём, собственно, дело?

ЛЕША (*Оле*). Я не знаю, надо что-то делать с этим. Вдруг она и на тебя плохо повлияет. Оля, ты знаешь: я агностик и материалист. Но она явно черный маг.

СТЕПАН. Хэштег «шоуэкстрасенсовнавыезде».

ОЛЯ. Ты виски пил?

ЛЕША. Давай отойдем.

ОЛЯ. Да говори, чё ты сразу щемилсья. Ни в чём себе не отказывай.

ЛЕША. Она прочитала какой-то заговор, и на меня в тот же день наехала налоговая. Курьер уволился. Поставщик слился. Пипец! И это в один день, Оля! И еще, у меня сразу справа закололо, ужасно, прям, я пошел к врачу – и что ты думаешь?

ОЛЯ. Что?

СТЕПАН. Рак?

ЛЕША (*Степану*). Заткнись!

МАША (*Степану*). А расскажите про свою профессию, Степан. Вот, например, у скульпторов руки нежные, да, Степан?

ОЛЯ. Так что?

ЛЕША. Камень в желчном.

ОЛЯ. Так я не поняла, ты мне сюда пришел рассказать про камень?

ЛЕША. Ну да. Ну я хотел сказать: надо что-то делать. Нельзя с ней долго контактировать. Ты видишь, аура у неё какая чёрная.

СТЕПАН. Братан, давай, стопэ, не пей больше – чёрная аура, чёрная белка, белый доктор – это звенья одной цепи.

ОЛЯ. Думала, ты соскучился. Пришел мне рассказать о своей любви.

ЛЕША. Оля. Ну при чём тут это.

ОЛЯ. Так ты меня любишь или нет, Лёх?

СТЕПАН. У мальчика вава, он пришел поплакать. Хэштег «возьмитеменянаручки».

ЛЕША (*Степану*). Слушай, заткнись уже, а!!!

Степан бьёт Лёшу, тот падает.

СТЕПАН (*Маше*). У скульпторов руки сильные.

МАША. Оля! Останови этого психа!

Маша кидается поднимать Лёшу.

ОЛЯ (*Леше*). Врежь ему, Лёх.

Лёша размахивается, но бьёт мимо. Степан снова его бьёт.

ОЛЯ. Лёх, ты какой-то слабак.

МАША. Ну всё, хватит! (*Леше*) Пойдём отсюда. Это дети эков.

Маша уводит Лёшу.

ОЛЯ. Я не поняла.

СТЕПАН. Это твоя подруга, да?

ОЛЯ. Ну да.

СТЕПАН. Хэштег «ивраговненадо». Пойдём отсюда, тут душно.

10.

Ночь, Оля и Степан на кладбище, с ними бутылка коньяка.

ОЛЯ. Куда ты меня привёл?

СТЕПАН. На вернисаж.

ОЛЯ. Эй, ты правда псих?

СТЕПАН. Тут мои скульптуры. Вот, смотри, Иван Васильевич с гитарой. Так-то он банкир, но на гитаре любил лабать.

ОЛЯ. Боже мой.

СТЕПАН. А это героический профиль директора колбасного завода.

ОЛЯ. Я думала, спортсмен.

СТЕПАН. Спортсмен вон там, видишь? Видишь, парочка? На машине разбились, он хоккеист известный был.

ОЛЯ. Тоже хочу не одна на кладбище лежать.

СТЕПАН. Хочешь со мной?

ОЛЯ. Я подумаю.

СТЕПАН. У тебя красивые линии.

ОЛЯ. У меня не было ещё никогда такого свидания. Страшно интересно.

СТЕПАН. Это чтобы ты меня не забыла завтра.

ОЛЯ. Почему мы здесь?

СТЕПАН. Потому что первый снег падает, а он на мраморе и граните не тает. А на тебе тает. Ты тёплая.

ОЛЯ. Пока ещё тёплая, тут так тихо.

СТЕПАН. Ну я не только для кладбища работаю, тут во дворе роддома скульптуру ставил. Таковую, мать и дитя. Любишь детей?

ОЛЯ. Да, наверное.

СТЕПАН. Картины любишь?

ОЛЯ. Да, а что?

СТЕПАН. Готовить умеешь?

ОЛЯ. Пельмени умею.

СТЕПАН. Ну отлично, поехали ко мне.

11.

Квартира Оли. День. Ба сидит на диване. В квартиру заходит Оля.

БА. Ты что ли?

ОЛЯ. Нет, не я.

БА. Ну и где ты шлялась? Всю ночь не спала. Куда бежать – не знаю. А на работу что, опять не пошла? Батюшки свет!

ОЛЯ. Ба, а завари мне чаю свежего, там мята есть в холодильнике.

БА. Батюшки свет. Да лучше компота попей, я сварила из ботвы морковной.

ОЛЯ. А где ботву взяла?

БА. Так Катя купила морковку такую с ботвой, выкинуть хотела. А там же витамины.

ОЛЯ. А помнишь, я маленькая была темноты боялась? А потом ты мне сказала волшебные слова. Помнишь? Страх, страх, не я тебя боюсь, а ты меня бойся. И идти в самый тёмный угол.

БА. Да помню, как не помнить – ты потом себе лоб расшибала, нарочно шарахалась по тёмным углам, а там то раковина, то шифоньер, вот и билась.

ОЛЯ. Ба, а научи меня заговору твоему.

БА. Какому такому заговору?

ОЛЯ. Ну, этому, который слабых выгоняет людей.

БА. Да не знаю я такого, батюшки свет!

ОЛЯ. Ну как не знаешь, знаешь! Ты Лехе сказала, он и убежал. Научи меня теперь!

БА. Да Лёхе твоему я заговор от тараканов рассказала, что ты! Это же от тараканов, от мелких мышей, от тли еще, жуков. На огороде, бывало, прочитаешь, так всё растёт, прёт прямо, соседка, Родионовна, царство небесное, бывало всё завидовала...

ОЛЯ (*перебивая*). Ба, ну что ты издеваешься надо мной, какие тараканы? Лёха же сбежал!

БА. Сбежал. Но заговор-то, Олюшка, от тараканов!

ОЛЯ. Ба, вот скажи мне, почему от тебя такие разрушения, а? Вот где ты появляешься – всё, капец.

БА. Ты завтракать будешь? Я оладьи заведу.

ОЛЯ. Какие оладьи, ну какие оладьи, Ба!

БА. Как ты любишь – кефирные. И мать твоя их любит. Давеча приходила ко мне, я ей настряпала оладушков-то, посидели. Хотела она очень повидаться с тобой. Тоскует. Исправилась она. Года идут. Волос уже не такой густой у ней. У меня тоже, раньше помнишь, какой был? А теперь шерсть кошачья. А мать портнихой промышляет. Шьёт людям вещи, польта даже. Она показывала – хорошо пошито, крепко. Ну она всегда могла руками заработать. Деньги

получает, даже мне дала. Я билет купила на эти деньги, к тебе приехала. Теперь ей не до мужиков уже. Хочет, чтобы ты замуж вышла, чтобы дети у тебя были. А ты где была-то всю ночь? Где шлялась?

ОЛЯ. Ба, зачем ты Лёху прогнала? Всю жизнь мне на уши поставила. Зачем ты приехала?

БА. Посмотри, цветочки посадила.

ОЛЯ (*осматриваясь*). Откуда взяла?

БА. У Кати сажены, она еще эту подарила, смотри, примулу. Говорят, жениха притягивает примула-то. А горшок-то один Катя дала, тогда я к Тихону пошла. Дал он мне и горшков две штуки, и земли. Знаешь, Оленька... Один ко мне на курорте привязался. А я, конечно, ноль вниманья. Но он такой был воспитанный, разговаривали мы много. Он моряк, офицер морской. Ваня звали. И так мы с ним хорошо разговаривали, что уезжала – и даже глаза на мокром месте. Думаю: чего это я? У меня же муж. Роман тогда совсем уже свиньёй стал. А этот чистенький, работа хорошая, ласковый, как телок. А я вернулась, а всё вспоминаю, вспоминаю его, как он мне песни пел, шоколад дарил, улыбался. Через месяц сижу на работе – входит Ваня. Улыбается во весь рот. Вот, говорит, и нашёл я тебя. Как нашёл – не знаю, я ему адрес не оставляла. Вот и нашёл, говорит. Сирень опять принёс.

ОЛЯ. И? И что дальше?

БА. Таскался-таскался, плакал, умолял. Но у меня муж. Через неделю уехал. А мы с Романом в гости пошли к куме моей, он там на гармошке играл, а одна ему в трусы залезла, наглаживала. Она без мужа пришла, нажралась водки. Соседка ихняя, кумы. А мой глаза-то и закатил. Конечно. А я не видала – мне кума говорит: «Смотри, Маша, что делается-то». Осрамил меня так. Не раз я Ваню вспоминала. Всё думала: а как бы с ним было? Он меня всё Машенькой называл. Один раз через лужу на руках перенес. С ним бы как было? И я бы другой была. Как наша учительница из Ленинграда. Всё по-другому было бы.

ОЛЯ. Так что же ты не развелась со своим Романом?

БА. А что же ты своего Лёшеньку забыть не можешь?

ОЛЯ. О боже мой! Что это за шторы?!

БА. Узнаёшь?

ОЛЯ. Это же голубой плюш твой!

БА. Вишь, как хорошо стало, слава богу, весело. Материя хорошая...

ОЛЯ. Это ж надо...

БА (*перебивая*). А ты оденься хорошо, а то ходишь как голодранка. Купила доху на рыбьем меху...

ОЛЯ (*перебивая*). Это Монклер, знаешь, сколько этот пуховик...

БА (*перебивая*). Вот и не смотрит никто. Шубу надо. Но ничего, приоденешься...

ОЛЯ (*перебивая*). Да меня с работы уволили сегодня! Вот и приоденусь, ага.

БА. Батюшки свет! Как уволили?

ОЛЯ. Так. Пришла сегодня, а начальница моя Ника объявляет мне. Блин, как буду кредит платить?

БА. Ничего, бог даст.

ОЛЯ. Угу. Даст. Догонит и еще даст. Ну хоть теперь будет время тебя по больницам повозить до нового года.

БА. По каким больницам?

ОЛЯ. Ну как по каким? Ты же сердце хотела обследовать.

БА. Ой, не хочу я, Оль, по врачам. Что они мне скажут. Старуха – она и есть старуха. Помирать пора.

ОЛЯ. Так, я не поняла: ты же сюда приехала по врачам походить? Или нет? Ты зачем сюда приехала-то?

БА. Чтобы ты мемуар написала.

ОЛЯ. Что?

БА. Мемуар. Снится мне книга-то моя. Толстая-толстая. Каждую ночь лежу, как будто книгу пишу. Всё-всё как в жизни было. В детстве братья меня как куль таскали, играли, и руку вывихнули. А мама пришла и как дёрнула – рука на место-то и встала. А сочинять-то не умею. А ты ж у нас умеешь. Ты ж еще в детстве сказки придумывала. Вот и напиши про меня мемуар. А то сдохну – и забудете меня все. Всё забудут. Помню, пригнали нам немцев Поволжья в войну, эвакуировали. И нас, детей, и их гоняли в поля на работы, за трудодни мы работали, как рабы. Корову у нас тогда еще не забрали, так мы все пятеро и мама питались молоком Зорькиным, светлая память ей, какая хорошая корова была. Ну что мама даст на обед с собой? Бутыль молока, горстку творога. А у немцев коров не было. Они бы подошли все, если б сусликов не ловили, да хомяков. Наловят, нажарят с луком да едят. А наши никто не ели, не знаю, считали - ядовитое. Раз только, когда уже коровы не было и мы лебеду жрали, раз только мама решила зайца съесть – поймали, в тазу вымачивали три дня, чтоб яд вышел, да потом выбросили – стух. Ядовитое считалось, никто не ел. А немцы ели. И вот был там один мальчишка белобрысый, у него обед такой был, из суслика жареного. И говорит мне: а давай меняться? А так вкусно пахло – лучком, мясом, слюнки текли. Ну я говорю: давай! И поменялись. Вкусно было! И так мы менялись-менялись, пока мама не узнала. Уж она отлупила меня знатно! За то, говорит, что гадость немецкую жрёшь, а не наше молоко русское от Зорьки! Я потом сесть неделю не могла – так она меня отлупила!

ОЛЯ. Какие же идиоты!

БА. Кто идиоты?

ОЛЯ. Да вы все идиоты в вашем Сагайске! Дебилы! Помню я прекрасно ваш Сагайск! Приличные дома – только у немцев и были! А у вас, коренных, заборы покосившиеся, во дворе говно коровье, баню! Баню! И ту не найти приличную у русских! До чего дожили! Я помню!

БА. Да что ты говоришь? Батюшки свет! Ты когда помнишь-то? Ты там и не была сроду! Ты жила у меня в Берёзовке, а это почти город уже!

ОЛЯ. Была я там, ты забыла, ты поехала туда летом к родне на месяц, и меня с собой взяла. Я помню, как там развлекались: старшие братья дадут мелким, трехлетним, самогона, те бегают, дурные, а старшие ржут. Как смешно! Мрак! Девки все, начиная с 14, на абортах, парни бухают, а потом пьяные на мотоциклах разбиваются, а их матери думают, где денег взять, чтобы трусы купить и зубную пасту, а соседи друг друга ненавидят, подслушивают, подглядывают, сплетничают, а сами уже разучились огороды сажать – только картошку. И всё ненавидят, что не понимают, всё новое, всё другое ненавидят! Немцы приехали – и их давай ненавидеть, конечно! Не высываться, не отвешивать, шептать! Как я ненавижу это! Как я тебя ненавидела, когда ты меня так воспитала! “Оленька, девочка должна быть скромной, тихой, молчи и улыбайся!” Да я просто деревенела, я в бревно превращалась от этого! Меня в школе считали чокнутой, идиоткой от такого воспитания твоего!

БА. Да я тебя по житиям воспитывала...

ОЛЯ (*перебивая*). Ты же меня еще и одевала, как Агафью Лыкову – какие-то свои старые платья, какой-то пояс из собачьей шерсти...

БА (*перебивая*). Оля! Так у тебя же почки болели!

ОЛЯ. Это у тебя почки болели, Ба, у меня ничего не болело! Ты себе всё придумала! Зачем ты мне мыла голову хозяйственным мылом?

БА. Да это самое лучшее, натуральное...

ОЛЯ (*перебивая*). Нет! Это не лучшее! От него волосы у меня в мочало превратились, а ты всё равно мыла, а от меня хозяйственным мылом воняло, никто не хотел со мной за одной партой сидеть! Ты мне всё детство испортила!

БА. Вот она, твоя благодарность.

ОЛЯ. Ба, скажи мне, почему ты папу сдала в дурдом?

БА. Оля! Он заболел! Доктор сказала...

ОЛЯ (*перебивая*). Зачем ты убила своего сына?

БА тяжело дышит, ищет таблетки.

ОЛЯ. Он не походил на тебя, да? Он был не такой? За это?

БА. Что ты такое говоришь, Оля? Он заболел! Он против власти стал писать, против Родины. Врач сказала...

ОЛЯ. И ты поверила врачу? Ты сыну не поверила, а какому-то врачу поверила?

БА. Его в тюрьму могли посадить...

ОЛЯ (*перебивая*). А так его посадили в психушку, и он там умер.

БА (*плачет*). Так откудава я знала-то? Я же не знала! Я думала, подлечат и выпустят.

ОЛЯ. Выпустят, ага. Выпустят, и он станет хорошим человеком – шофером, там, или рабочим на заводе, да? Стишки свои перестанет писать, и все эти глупости, да?

БА глотает таблетки, бледнеет.

ОЛЯ. Ба, что с тобой, Ба? Тебе плохо? Ой, да что ж это такое! Сейчас! Подожди, сейчас... (*набирает номер в телефоне*). Алё, скорая, тут бабушке моей плохо.

12.

Комната Оли, Ба лежит на кровати, возле на стуле лекарства, с ней рядом сидит Аделаида, недалеко Оля.

ОЛЯ. Спасибо, Аделаида Сергеевна, что приехали нас посмотреть.

БА. Не «нас», а меня.

ОЛЯ. А то мы отказались почему-то в больницу ехать.

БА. Не «мы», а я отказалась.

ОЛЯ. Та чё отказалась-то?

БА. А вот скажи мне, Ада, песни любишь?

АДЕЛАИДА. Песни? Конечно, люблю, у меня музыкальная школа по классу фортепиано, слух очень хороший, и вокальные шоу всегда смотрю.

БА. Наговорила, что наварила, а глядь – и нет ничего. Ты петь-то умеешь?

АДЕЛАИДА. Вам сейчас не очень надо бы петь, после такого приступа. А лучше полежать, послушать.

ОЛЯ. Ба, ты слышишь, тебе и докторой со скорой сказал – покой.

БА. Так и спрашиваю Аду – пускай споёт, послушать охота.

АДЕЛАИДА. Только я так слов не помню, мы обычно в караоке.

ОЛЯ. Да не надо, Аделаида Сергеевна, давайте ей музыку включим.

БА. Музыку ты на моих похоронах включишь, а пока охота послушать живой народ. Сядь уже, не мельтеши. Давай, Ада, народную.

АДЕЛАИДА. Да какую народную, Мария Васильевна? Во поле березка стояла? Не помню слова, конечно.

ОЛЯ. Ба, какую песню заказываешь?

БА. Ты, Ада, красивая баба. Но несчастливая. Одинокая.

ОЛЯ. Ба, ну что ты такое говоришь, у Аделаиды Сергеевны муж, сын.

БА. Живёт – не с кем покалякать, умрёт – никто не станет плакать.

ОЛЯ. Ба, да...

АДЕЛАИДА (перебивает). Всё так, всё верно, Мария Васильевна. Одна, и всем плевать. Муж со своими друзьями, да в бане, да в телевизоре. Друг другу по вотсапу приколы какие-то шлют, фото сисек, анекдоты – ерунду какую-то. А я как будто в клетке сижу – что моя жизнь? Зачем она? Сыну и то не нужна.

БА. Да, девка...

ОЛЯ. Сын ваш личную жизнь устраивает, похоже.

АДЕЛАИДА. Ты прости, Олечка, он, может, нервы все тебе истрепал эгоизмом своим, он и правда очень избалованный нами. Я же ради него и карьеру бросила – Лёшеньку в детский сад не хотела отдавать, и потом уроки вместе в школе делали мы, и первый его кросс вместе бежали. И теперь он хочет бежать один. А о матери и не помнит. Думала, вот, снова в отчий дом вернулся, мы станем ближе, какая-то жизнь у нас в доме начнётся, его друзья, молодёжь. Но нет, где-то пропадает, ничего не рассказывает, грубит.

ОЛЯ. Не рассказывайте мне про Лёшу, пожалуйста.

БА. Пой, Ада.

АДЕЛАИДА (поёт). В городе детства дремлют машины,
Клоун веселый на время забыт.
Мамин защитник, мамин мужчина,
Мамин защитник, мамин мужчина,
Носиком сладко в подушку сопит.

БА. Внуков ты хочешь, вот что, девка. Я тоже хотела – господь мне Оленьку послал.

АДЕЛАИДА. Да, хочу. Очень. Но не знаю...

БА. Ты вот что, ты верь. Верь. И тебе даст.

АДЕЛАИДА. Хорошо, Мария Васильевна.

БА. Ты читай перед сном: У лошади — жеребяти, у коровы — теляти, у овцы — ягняти, у меня нет дитяти. Как месяц растёт-нарастает, так пусть из семени семечко, будет для меня деточка.

АДЕЛАИДА. Как вы хорошо говорите – ягняти. Моя бабушка так говорила.

БА. Из какого села бабушка?

АДЕЛАИДА. Из Грязи, тут, в Подмосковье.

ОЛЯ. А вы не рассказывали раньше, Аделаида Сергеевна.

АДЕЛАИДА (поёт). Полоса ли моя да полосонька.
Полоса ль моя да не паханая,
Не пахана, не боронена!
Зарастай, моя полосонька,
Частым ельничком да березнячком,

Еще горькиим да осинничком!

Уж я по лесу хожу-брожу,
Во сыром бору я грибы беру;
Никто в лесе не аукнется.

БА. Никто не аукнется, никто не откликнется. Иди, Ада, воспитывай сына.
Дурно воспитала, вот и мотаешь сопли на кулак. И я тебя не лучше. И я дурная мать.

ОЛЯ. Ба, ты помнишь, тебе волноваться нельзя?

АДЕЛАИДА. Я вам позвоню завтра, Мария Васильевна, можно?

БА. Звони, Ада, звони, по-нашему поговорим, по-матерински.

Аделаида уходит, Оля её провожает.

АДЕЛАИДА (Оле тихо). Оль, он вернется, перебесится и вернется. И всё будет хорошо. Поженитесь.

ОЛЯ. Вы думаете?

АДЕЛАИДА. Ты такая хорошая, Оля.

ОЛЯ. Мне кажется, он меня забыл совсем.

АДЕЛАИДА. Нет! Конечно, нет! И вся эта вереница женщин в его жизни... Я имею в виду, его общение, ну, просто дружеское общение, конечно, не то, что ты подумала...

ОЛЯ. Я уже стараюсь не думать. До свидания, Аделаида Сергеевна.

Аделаида уходит, Оля возвращается к Ба.

БА (глядя в окно). Вечеряет. (Ба должна сказать «вечеряет», но она *звоорит неправильно*). Бедная эта баба будет по темноте тыркаться.

ОЛЯ. У этой бедной бабы машина как десять твоих домиков в Сибири стоит. Ну как ты?

БА. Щемит.

ОЛЯ. С какой стороны?

БА. Да вот тут и тут. Старуха. Думала, еще в пятьдесят помру, а вон смотри ты.

ОЛЯ. Глупости говоришь, как всегда.

БА. Помру – так отправь меня в Сибирь обратно.

ОЛЯ. Нет, здесь похороню на Ваганьковском кладбище, рядом с могилой Высоцкого.

БА. Нет, лучше отправь на родину.

ОЛЯ. А кто там на твою могилку ходить будет?

БА. Вера, мать твоя.

ОЛЯ. Думаешь?

БА. У неё никого нет, у Верки-то. Она теперь ко мне приходит, мы вместе чай пьем, разговариваем. Ну и на могилку будет приходить, разговаривать.

ОЛЯ. Хватит уже про могилки, надоела со своими могилками.

БА. Ох, Олюшка, доживёшь до моих лет...

ОЛЯ. Так ты почему в больницу-то отказалась ехать? Ты чего приехала-то сюда в Москву?

БА. Так ведь день рожденья у тебя через неделю.

ОЛЯ. И что? Подумаешь, я не праздную.

БА. Надо будет отпраздновать. Что ж я – зря приехала, что ли? Банкет делай.

ОЛЯ. С ума сошла? Какие тебе банкеты? Ты чуть коньки не отбросила мне тут. Скорая только уехала.

БА. Оля, делай.

ОЛЯ. Ба, да я безработная теперь! Какие банкеты?

БА. Ой, что-то мне опять закололо...

ОЛЯ. Тише, Ба, тише! Не волнуйся!

БА. Так сделаешь праздник?

ОЛЯ. Ну сделаю, сделаю, противная ты старуха. Но только дома. Ты и я, отпразднуем.

БА. А друзья?

ОЛЯ. Да какие у меня друзья?

БА. А Маня?

ОЛЯ. Мы поссорились с Машей.

БА. Поссорились? Почему?

ОЛЯ. Из-за мужчины.

БА. Из-за какого такого мужчины?

ОЛЯ. К ней Лёха ушел, кажется.

БА. Ну, из-за говна такого ссориться! Теперь пусть они с Адой вошкаются с ним. Ничё, помиритесь с Маней. И работа будет – я знаю, мне сон снился. Ну всё, иди на кухню, не мешай, поспать хочу. Погоди, достань там в сумке у меня письмо.

ОЛЯ. Какое письмо?

БА. Ну доставай-доставай, вон там, сбоку. Да, оно, оно. Читай, а то я без очков не вижу.

ОЛЯ (*читает*). «Дорогая моя доченька...» Ба, что ты мне подсунула?

БА. Читай. Можешь доброе дело сделать? Читай, ради бога.

ОЛЯ (*читает*). «Дорогая моя доченька! Не знаю, с чего начать, чтобы ты стала читать дальше. Сразу хочу попросить у тебя прощения. Я виновата перед тобой. Я была дура. Сколько лет потеряно! Раньше казалось, что всё получится: раз! И стану богатой. Куплю тебе много красивых платьев. Но потом поняла, что ты тут не при чём. Что мне просто нравится это делать. В такие моменты живёшь, глаза блестят! Я когда фальшивые деньги втюхивала на рынке, то не могла остановиться. Надо было, но не могла. И попалась. Тюрьма. Не дай бог никому такого. Какая дура! Столько лет прошло, и тебе уже не нужна мама. Оля, я так хочу тебя увидеть! Бабушка говорит, ты еще больше стала похожа на меня, так же размахиваешь руками. А глаза Серёжины. Не видела тебя 15 лет, какая ты сейчас? Если бы Сережу можно было вернуть. Ты – моя семья, да бабушка Мария Васильевна. Всё вспоминаю, как ты малая съела всю бруснику с сахаром и спряталась за занавеску. Занавеска красная, ботинки красные, одергиваю – и там ты вся в бруснике стоишь, и хитро так своими лисьими глазками на меня смотришь. А помнишь, тебя вахтёрша накормила конфетами, и взяла с собой, целый день тебя таскала по друзьям, как котенка. А я искала тебя везде, чуть с ума не сошла, в милицию прибежала. А вахтерше ты просто понравилась, она и взяла тебя, идиотка. Я ей врезала потом, курве. А тебе сказала, что это была баба Яга, помнишь? Оля, я каждый день желаю, чтобы у тебя в жизни всё-всё было хорошо, ведь ты такая умная, добрая, красивая девочка. Если у тебя нет отца и матери, так пусть будет всё остальное. Прости меня. Я тебя очень люблю. С днём рождения, дочка. Целую, твоя мама».

12.

Квартира Оли. В комнате накрытый стол, на кухне Ба режет салаты, Оля таскает тарелки в комнату на стол.

БА (*напевает*). «Тихо лужи покрывает лёд, помнишь, мы с тобою».

ОЛЯ. Ба, а куда нам столько еды на двоих? Ведро пирожков настряпала – не съедим же.

БА (*напевает*). «Целовались ночи напролёт под шум приboя». Я сроду меньше ведра не стряпаю. Руки марасть.

ОЛЯ. Ты что, еще один салат режешь?

БА. Не забудь холодец с балкона занести.

ОЛЯ. Нам с тобой и за неделю столько не съесть. И вообще, доктор сказал, тебе лежать надо.

БА. А ты приоденься иди, губы намажь.

ОЛЯ. Зачем?

БА. Праздник или как? Там у меня в сумке поройся...

ОЛЯ. Опять??? Не сумка, а скатерть-самобранка какая-то.

БА. Там подарок лежит. В красном кульке таком, нашла?

Оля разворачивает свёрток и достает красивое платье.

ОЛЯ. Вау! Какая красота! Неужели тоже смертное твоё?

БА. Это от матери твоей подарок, она сама сшила. Одень, я посмотрю.

Оля надевает платье, ей очень идёт.

ОЛЯ. Красота какая!

БА. Видела бы Вера.

Раздается звонок в дверь.

ОЛЯ. Кто это?

Оля открывает дверь, заходит Маша с шампанским и цветами.

МАША. С днем рождения, Оля!

ОЛЯ. Неожиданно.

БА. Это я Маню пригласила – нечего ссориться.

МАША. Здравствуйте, Мария Васильевна! Оля, извини меня, если я чем тебя обидела...

ОЛЯ (*перебивая*). Нет, что ты, какие обиды, всё нормально...

МАША (*перебивая*). Я понимаю твои чувства, но...

ОЛЯ (*перебивая*). Да всё нормально...

МАША (*перебивая*). Это не совсем так...

ОЛЯ (*перебивая*). Конкуренция, а женщин больше...

МАША (*перебивая*). Понимаешь, люди одного круга...

ОЛЯ (*перебивая*). Подумаешь, мужика увела.

Пауза.

МАША. Это была ошибка.

ОЛЯ. Да-да.

МАША. Он ушел тут же.

ОЛЯ. Какая драма.

МАША. Ну прости меня, мне просто стало его так жалко!

ОЛЯ. Секс из жалости – на такое даже мать Тереза не способна.

МАША. Да у нас ничего такого не было!

БА. Хватит уже из пустого в порожнее переливать, включите лучше музыку.

ОЛЯ. Музыка? А что ты хочешь послушать, Ба?

БА (*поёт*). Сам себя считаю городским теперь я, здесь моя работа, здесь мои друзья, только каждой ночью снится мне деревня, отпустить меня не хочет родина моя...

ОЛЯ (*Ба*). Только не плачь, тебе вредно волноваться.

БА. Всё-всё, больше не буду.

ОЛЯ (*Ба*). Иди полежи, отдохни, а мы тут с Машей пока винца выпьем.

Ба ложится на кровать.

МАША. Оля, я вижу, ты на меня ещё сердишься.

ОЛЯ. Я? Ну что ты!

МАША. А помнишь, меня отправили в Питер в командировку, а там резко наступила весна, и я позвонила тебе и попросила привезти мне на вокзал ботильоны, чтоб ты Ленке передала, она тоже в Питер ехала, а мне тогда зарплату задерживали, а ты не передала, помнишь?

ОЛЯ. Ой, ну ты вспомнила, я...

МАША (*перебивая*). И я там мучилась в зимних сапогах. Но я же тебя простила.

ОЛЯ. Ну ты сравнила Лёху с ботильонами.

БА (*кричит из комнаты*). Да ботинки-то полезней, Оль!

ОЛЯ (*кричит Ба*). Ба, а ты бы лежала спокойно и не подслушивала бы! Нет, ну надо же, какой слух...

МАША. Я хочу сказать...

Звонок в дверь. Заходит Степан с огромным набором суши.

ОЛЯ. Ты как меня нашел?

СТЕПАН. Э-э-э... Ну ты, конечно, молодец: сбежала утром, ни телефона, ни адреса, я даже фамилию твою не знаю, чтобы в соцсетях тебя найти. Вот, ограбил сушиарню для тебя. Ты же готовить не умеешь.

ОЛЯ. И? И ты пошел к экстрасенсу? Или вызвал полицию с собакой?

СТЕПАН. Я стал каждый вечер ходить в тот караоке-бар. И там Маша мне всё сказала.

ОЛЯ. Маша?

МАША. Ну, я хотела сделать тебе сюрприз. Вижу, парень сохнет. Может, такая любовь встречается раз в жизни.

ОЛЯ. Ха-ха-ха!

МАША. Как-то странно ты стала смеяться.

ОЛЯ. Я так всегда смеялась, пока в Москву не переехала. Мы, дети зэков, такие. Ну что ж, проходи, Степан. Давайте уже выпьем. У нас есть французское, испанское и какая-то дешёвая шипучка от Маши.

МАША. Да нет, это настоящее шампанское...

ОЛЯ (*перебивая*). Вот ты Степан, говоришь, что не знаешь мою фамилию. А меня зовут Оля Скотинкина. Это моя настоящая фамилия. Я её поменяла на чужую фамилию Предвечная, но это была ошибка, мы ведь все ошибаемся, да ведь, Маш? Так вот, давайте выпьем и будем песни петь!

МАША. Знаешь, Оль, у тебя какой-то акцент появился.

ОЛЯ. Я же не местная, всё правильно.

СТЕПАН. Давайте! А гитара есть? Нирвану петь, Цоя, или о! Можно Монатика!

ОЛЯ (*поёт*). Что стоишь, качаясь, тонкая рябина...

БА (*подпевая*). Головой склонилась до самого тына. (*Степану*). Здравствуйте, меня зовут Мария Васильевна.

СТЕПАН. Очень приятно, Мария Васильевна! А я Степан. Вот, это вам!

Степан дарит Ба огромную коробку конфет.

БА. Батюшки свет! Зачем старухе сахар! От диабета ноги отсыхают.

СТЕПАН. Хэштег «отсохнутстарыеприсохнутновые».

Оля вытаскивает телефон и уходит звонить в комнату.

БА. Проходи, проходи, Степан, мы тут пирожков напекли, пельменей налепили, конечно, шанег тут не настряпаешь – печки нет, а вот если б у меня в Березовке, то я бы таких шанег наделала!

МАША. Вообще, конечно, потрясающе. Оля всегда уверяла, что пельмени ненавидит, а пироги не ест.

Снова звонок в дверь. Заходит Тихон с хангом.

БА. И тазик принёс.

ТИХОН. Ну чё, девчонки, праздник вам тут не наладить?

ОЛЯ. Чего?

ТИХОН. Я Тихон, ваш сосед, меня ваша бабушка Мария Васильевна пригласила, но я только на минуточку, не беспокойтесь.

БА. Ой, Тиша! Заходи, заходи, Тишенька, заходи, не бойся, чё ты сразу испугался? Боязливому по ухо, смелому по колено. Давай, Тишенька, сыграй нам на тазике.

ТИХОН. С днём рождения, Оля! Вы и правда очень красивая!

СТЕПАН. А меня зовут Степан, я Олин близкий друг.

Тихон играет на ханге.

БА (*поёт*). Яхта, парус – в этом мире только мы одни!

ОЛЯ. Ба, скажи, кого ты еще пригласила? Катю с мужем-милиционером тоже?

БА. Да никого больше, никого, вот Тихона только, он нам столько добра сделал.

ОЛЯ. А носочки на нём – это ты вязала?

БА. Ну я, кто ж. Семья далеко, что он тут один мыкается в чужом городе.

ТИХОН. Я с отцом помирился, Мария Васильевна. У меня же отец строгий, хотел меня в военное училище. Пришлось в Москву уехать. А вчера позвонил ему, обещал приехать, крышу промочить на даче сделать. Помирились.

БА. Ну слава богу, теперь можно жениться, благословение брать.

ТИХОН. Ой, какая примула красавица у вас, я с улицы иду, всегда люблюсь. Раньше как-то не замечал почему-то, вообще не замечал ваши окна, а теперь всегда смотрю: занавески такого лазурного, небесного цвета, цветы такие свежие, с такой хорошей аурой.

ОЛЯ. Надо вам жениться на моей бабушке, Тихон.

БА. Согласная я. Ну, давайте, ребяташки, садится за стол, Оля, неси холодец с балкона! Тиша, разливай.

СТЕПАН. Давайте я.

ТИХОН. А мне морсику, я алкоголь не употребляю.

СТЕПАН. Закодировался?

ТИХОН. Да нет, что вы, просто не употребляю по идейным соображениям.

БА. И правильно, кому нужны пьяницы?

ТИХОН. Просто я преподаватель йоги, и как-то мне все эти стимуляторы...

СТЕПАН. А мы с Олей употребляем, умеренно, конечно.

БА. Вот откуда ветер дует.

ОЛЯ. Ба, ты тост хотела сказать?

БА. Да. Оленька... Хочу тебе пожелать, конечно, здоровья. Здоровье – это самое главное, если не будет здоровья...

ОЛЯ (*перебивает*). То мы все умрем. Это понятно, Ба, давай дальше.

БА. Не перебивай старших! Я у тебя на дне рождения уже одиннадцать лет не была. Здоровье – это самое главное. Тьфу, сбילה... А во-вторых, хочу пожелать долголетия, процветания, успеха, удачи, благополучия, благосостояния...

ОЛЯ (*перебивая*). Ба, ты решила сказать тосты за все эти одиннадцать лет?

БА. Да что ж такое! Я ей слово – она мне десять!

ОЛЯ. Наоборот!

СТЕПАН. В общем, давайте выпьем!

БА. Так не терпится выпить, да?

ОЛЯ (*Степану*). Всё, ты в чёрном списке у бабушки.

Звонок в дверь. Входит Женя.

МАША. О, май гад!

ЖЕНЯ. Здравствуйте! Я – Женя!

БА. Проходи, проходи, Женя, сослуживец?

ЖЕНЯ. Я? Нет, мы познакомились недавно с Олей и Машей.

МАША (*Оле*). Один-один, подруга.

ОЛЯ (*Маше*). Не пропадать же такой любви.

СТЕПАН. Так давайте я скажу тост!

БА. Кто про что, вшивый – про баню.

Раздается звонок в дверь. Входит Лёша.

Ну вот, к нашему берегу плевёт не бревно, а всё больше щепы да...

МАША. Упс.

ОЛЯ. Ну вот, было поровну, теперь мальчиков больше.

СТЕПАН. Ничего, сейчас будет поровну.

ЛЕША. С днем рождения.

ОЛЯ (*Леше*). Спасибо. Проходи.

ЛЕША. О, сколько людей!

СТЕПАН. И каких людей!

ЛЕША (*Оле*). Хочешь, мы заведем ребенка?

СТЕПАН. Э! Какие-то несветские разговоры вы ведёте!

ОЛЯ (*Леше*). Ребенок – не котёнок.

СТЕПАН. Вот именно!

ЛЕША (*Оле*). Ну, ты же хочешь, я же вижу. Так смотришь на маленьких детей. И мама...

СТЕПАН. Да конечно, хочет, но не от тебя, чувак!

ОЛЯ (*Леше*). Мама понятно, а ты? Ты хочешь?

ЛЕША. Мне всё равно, но если ты считаешь...

СТЕПАН. Она хочет, и я хочу, но при чём тут ты?

ЛЕША (*указывая на Степана*). Оля, а почему здесь этот человек?

СТЕПАН. Я пришел поздравить свою девушку с днем рождения, а вот ты зачем вернулся? И, кстати, подарок где?

ОЛЯ (*Леше*). Ты же принес мне подарок?

ЛЕША. Это случилось спонтанно, просто захотел тебя увидеть.

СТЕПАН. Хэштэг «ясамподарок». Ну что, теперь я могу сказать тост?

МАША. Да, давайте уже выпьем!

ЖЕНЯ. Маша, я записался в спортзал.

ОЛЯ (*Степану*). Говори.

СТЕПАН. Оля, ты видишь меня второй раз в жизни, а я тебя где-то пятый – три из них в эротических снах, но, по-моему, мы должны жениться.

МАША. Уууууу!

СТЕПАН. Ты спросишь, почему. Ну, во-первых, у меня квартира в три раза больше твоей. Во-вторых, у меня сильные руки и я умею делать хороший массаж – ты знаешь. А в-третьих, мы оба хотим ребёнка.

МАША (*Оле*). Соглашайся.

ОЛЯ. Кто еще из присутствующих хочет от меня ребенка?

ЖЕНЯ. Я бы с Машей попробовал в этом направлении.

БА. Тиша, а ты что молчишь? Помнишь – маленький Ромка?

ТИХОН. Уже? Оля...

ЛЕША (*Степану*). А ты хоть знаешь её фамилию? Думаешь, она Предвечная? Она Скотинкина!

БА. Тьфу!

СТЕПАН. Боже! Какой ужас! Ты обманула меня, женщина!

ОЛЯ (*Степану*). Я согласна.

СТЕПАН. Собирайся, поехали, зубную щетку не забудь.

БА. Эх, Алексей, рыба душа.

ЛЕША. Кстати, пирожки у вас сухие. Я лучше тесто делаю.

СТЕПАН (*встаёт*). Сейчас провожу.

ЛЕША (*встаёт*). Оля, я пойду, мне пора, маме с папой я не расскажу ничего про то, что ты здесь устроила. Так что, можем сделать вид, что ничего не было. Я постараюсь простить.

СТЕПАН. Хэштэг «давайдосвиданья».

БА. Отсох суходол, повел суховей, сгинь, сгний, прочь, в ночь, здесь горькая осина, а там – мед-малина...

Лёша быстро уходит.

БА. Тишенька, а что это ты холодец не ешь?

ТИХОН. Да я, Мария Васильевна, вегетарианец же.

БА. А, ну-ну. А вот мы в войну тоже лепешки из лебеды пекли. А свекольным соком и углем разведенным диктанты писали. Чернил-то не было, бедность. А к нам учительницу эвакуировали из Ленинграда. Красивая такая, в пиджаке зеленом, волосы так уложены, ногти аккуратные. Анна Григорьевна, как сейчас помню. Она говорила, я на всю жизнь запомнила, она говорила так – а мы записывали это свекольным соком или углем разведенным – так говорила – а голос у нее грубый такой был, низкий – мы записывали – а записывали мы на полях, бумаги не было, вот и писали прямо в книгах или на газетах на полях – а она говорила нам медленно – «История изучает всё прошлое человеческого общества». Но я ошибки делала, конечно. Вообще, плохо училась. Три ошибки в слове «скворец». Цкварес. А потом тоже хотела учительницей стать, как она. Такая красивая, из Ленинграда. Но бедность. Ткани не было, штаны спортивные сшить. А там физкультура. Надо форму. В училище. Ну, что теперь говорить. Ой, замаялась я, надо отдыхать. Устала.

ОЛЯ. Ба, оставайся жить у меня. Зачем тебе возвращаться? Я хочу жить с тобой.

БА. Да ведь я скоро умру, Оленька.

ОЛЯ. Я не отпущу тебя, ты мне самая родная.

БА. Дай мне телефон. И очки.

Оля даёт ей телефон и очки. Ба набирает какой-то номер и даёт Оле.

ОЛЯ. Здравствуй, мама... Спасибо... У меня всё хорошо, мама, выхожу замуж... Спасибо, мама... Он скульптор, мама, но хороший человек... Да, любит, кажется... И я тоже, кажется... Да, конечно, надо, приезжай ко мне, мама... И я тебя, мама. Люблю.

КОНЕЦ